

Валерий
ЛЮБУШИН

СНЫ О РОССИИ

Валерий
ЛЮБУШИН

СНЫ О РОССИИ

Избранная лирика

Петропавловск
2002 г.

*Автор благодарен Ю.Ф.Захарову
и Е.Б.Джалимову за оказанное содействие
в издание этой книги.*

551804

ЛЮБУШИН В.И.
"Сны о России". Избранная лирика

г.Петропавловск

КБИ - 33-07-06С

Сдано в набор 10.09.2002

Подписано в печать 24.12.2002

Книга избранных стихотворений русского поэта из Северного Казахстана посвящена русской культуре, ее великим творцам и создателям, пейзажам России. Кроме того в сборнике широко представлена любовная и философская лирика, а также стихи из цикла "Европейская мозаика", в которых оживают образы из античной истории, средневековья и Возрождения, Новой и Новейшей истории. Одиссей, Елена, Христос, Джентиле, Боттичелли, Винчи, Моцарт, Шопен, Роден, Модильяки, Дали - вот неполный перечень тех лирических героев, с которыми вы встретитесь на страницах этой книги.

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА
г. Петропавловск

СНЫ О РОССИИ

Я верю в чистоту
и девственность берез.
В Рублева фрески.
Пришвина болотца,
Я верю снова
до беспамятства и слез
В тот храм,
что Родиной для нас зовется.
А утром, выйдя
на простор шальных ветров,
Вдыхать всей грудью
воздух райской сини,
Поняв, что в мире
лучше не найти цветов,
Чем полевые ландыши России.

Июнь 2001 г.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Листая вещие страницы,
Где вместо букв цветы и травы,
Где запевают дружно птицы
В зеленых зарослях дубравы,
Где есть реальность, с нею - ласка,
Что раскрывает нам объятья,
Где не указка, а подсказка
Поможет избежать проклятья,
Где солнце и любовь на счастье
Согреть готовы всех прилюдно,
Где к нам придут не на причастье,
А чтобы отмолить от блуда,
Где нам луна вручает тайны,
Пленяя мир своим мерцаньем,
Где, как лунатики, мы пьяны
Влеченьем темным, мощным, странным,
Где хоровод из звезд весенних
Споет кантату вдохновенно,
И в танце властном воскресенья
Дождемся мы любви нетленной,
Где слово из груди поэта,
Все в красках, запахах и звуках,
Поможет вдруг ослабить беды,
Чтоб нам не становилось жутко,
Чтоб Небо и Земля обратно
Сошлись надолго. не на миги...
И стало на душе отрадно
От чтенья Голубиной Книги.

Июль 2001 г.

М. Врубелью

Лазурь небесную ласкал пройдоха-бриз,
Все с трепетом росло и улыбалось...
Вдруг кто-то с крыльями внезапно рухнул вниз.
Долина застонала, в страхе сжалась...

В ней Демон сильно искалеченный лежал:
В крови. безумный... только дух остался,
И лишь зрачок округу гневно вопрошал
Да хрип сквозной из легких вырывался.

И тут возник в сердцах и душах трубных глас,
Он нисходил из райского подполья,
В котором без надежд и всяческих прикрас
Торжествовала снова божья воля.

«Юродивый, зачем в грехе опять дерзал?
Мятежный ангел, ты повержен силой...
Не для тебя теперь небесный трон и зал,
Куда бы страсть души ни заносила...»

И, слыша это все, несчастный умирал,
В отчаянье ввергали всхлипы, звуки...
И стал не демоном, что дерзостно восстал,
А так... рабом, сдыхающим от муки.

И каждый человек прочертит в жизни след.
Придет, уйдет из хат и нив бескрайних...
Какой оставит бред? Какой оставит свет?
Какую унесет в могилу тайну?!

Август 1996 г.

ЛИКИ РОССИИ

*«...И слово было Богом...»
Библия*

Кирилл и Мефодий,
Солунские братья,
В духовной работе
Не почестей ради.

Глаголом славянским
Всю Русь озарили,
В созвучиях райских
Нам Бога открыли.

Сквозь время и земли,
Сквозь лени засовы
Красою объемлет
Зовущее слово.

Аввакум и Ольга,
Сильвестр, Дионисий,
Как будто из Волги,
Тем словом омылись...

Омылись, крестились.
Отечество бдили,
Рожали, молились
И Правдою жили.

Глагол. Богом данный.
Ты жив, не почил,
И в дни испытаний
Победно звучи!

Май 1996 г.

СТАРОРУССКАЯ БАЛЛАДА

На берегах Днепра, холмистых и раздольных.
Под стен защитой и глубоких рвов
Вознесся к небу Кия град первопрестольный.
Краса и мать русских городов.

В нем правил Святослав, он, «аки пардус» в свете,
С дружиной рыскал греков хитрых рать,
А в Киеве остались мать, жена и дети,
И воевода дань ушел собрать.

Тут, улучив момент, поперли печенеги,
Ордой столицу всюду обложив.
Горят кругом костры и застыт дымом небо,
И ржание коней, что море ржи.

Вояк степных гортань с угрозой сеет крики,
Вселяет ужас стрел горящих лет...
Ужели обречен преславный город Киев,
Ужели княжья помощь не придет?

Но в грозный час беды, печали, безнадежья
Нашелся отрок, град решив спасти,
Он в стан врагов проник с уздечкой, без одежды,
Чтоб печенег жестокий не настиг.

Летит стремглав к Днепра высокому обрыву.
За ним погоня, свист пернатых стрел...
Прыжок... и ласточкою в волн седую гриву
Нырнул и будто кто его кнутом огрел.

Плывет быстрее, ныряя часто и глубоко,
Уйти бы и добраться до своих,
И видит он, что с берегов родных, отлогих
Скользит к нему ладья... и страх утих.

В ней были люди из дружины воеводы,
Он крикнул им. далеким, но своим,
И вскорости реки участливые воды
Его доставили чуть-чуть живым.

Шепнул дружинникам: «Назавтра приступ будет...
Спешите... Голод в граде взял разбег...».
И через ночь запели утром в небо трубы,
И отступил раскосый печенег.

С тех пор никто не помнит имени героя,
В анналах он всего лишь имярек,
Но помнят, как с уздечкой бегал отрок кроткий,
Что Киев спас, прославившись навек!

Ноябрь 1996 г.

Шелестела береза речистая,
Всей листвою шептала своей,
И дышало вверху небо чистое,
И тянулся в нем клин журавлей.

Ворковали цветы, колобродили.
Улыбались, галдели... их бал,
И, танцуя в полете увертливо,
Мотылек от восторга порхал.

А вдали узкой лентою торною,
Вся от свежести синью восстав,
Убегала речушка задорная,
Гордость девичью солнцу отдав.

Я лежал, немотою пронизанный.
Весь уставший от бед, суеты,
На роду мне, как видно, написано
Не прожить без такой красоты.

Красота моей Родины в облике.
Что сияет в ишимских лугах,
И в полыни горчащей, и в облаке,
В зеленеющих колках, садах.

Июнь 1996 г.

ИЗ ПОЭМЫ «СЕРГИЙ ИЗ РАДОНЕЖА»

1

Пролог

Я в Лавре. Золотятся купола.
И небосвод багрянится в закате...
Вечерней звонницы колокола
Призвать людей на встречу с Богом рады.

Ушли из сердца грусть и суета,
И воцарилось вмиг успокоенье.
И я шепчу: «Какая лепота,
Какая красота на удивленье!»

А в небе чертит самолет маршрут,
Гудком зовет экспресс московский,
И дальний гул столичных пересуд
Пытается, как тать, вползти по-горски.

Тут рос когда-то необъятный лес,
Тут хаживали звери по тропинке,
Наигрывал в жалейку злющий бес,
Заманивая христиан в глубинку.

Здесь обитало столько бедолаг,
Здесь Сергей основал свою обитель.
Теперь иное... Все уже не так,
И в дверь стучится с матом пьяный житель.

Обыдлились... Нам дороги сейчас
Не ценности духовные, а дразги,
Не женщины любовь в подлунный час,
А бред компьютера и стали лязги...

Не Бог, а деньги, не свобода - плен,
Не жалость к сирым и игра с ребенком...
Все перемелет снова в прах и тлен
Безжалостная жизни шестеренка.

Но есть еще на свете, господа,
Суд совести и памяти дорога,
Руси Великой горняя звезда
И наша мать на жертвенном пороге!

Август 2000 г.

ПЛАЧ РУССКОЙ ПОЛОНЯНКИ

Не увижу родительский дом
И икону в своей светлице,
Как подкатывает к горлу ком,
Как скорбят у подружек лица.

Заарканил, украл под звездой
Нашу честь, нашу душу, тело
Басурман... и внутри сухостой,
В двери горе огнем влетело.

Из родимой угнали земли,
Увели от милых, любимых...
И хвостами коней замели
След на родину, чтоб забыли...

Плачет ночью пастуший рожок,
Ах, неволя и боль прощанья,
Не увижу тебя, мой дружок,
Очи мрут без слез покаянья.

У березок печальный наряд,
Грустно машут опять листвою,
И я чувствую вдруг, что горят
Их страданья вновь берестою.

Ты прощай, наша матушка-Русь!
Не вернусь,
 не вернусь,
 не вернусь...
 Август 2000 г.

ХОР ПОГИБШИХ РУССКИХ ВОИНОВ НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Господь! Покинуть этот щедрый мир нелепо.
Но час пробил, за Русь должны мы жизнь отдать.
Нас нет в живых. Мы растворились в дымке неба,
Мы ратники, и не впервой нам умирать.

Тела изрублены, исколоты, избиты...
Но мы исполнили от Родины наказ,
Стервятники не только русской кровью сыты,
Мы жизни не жалели... помните о нас!

Мы слышим плач, мы видим ваши слезы,
И вправду уж ничем не можем вам помочь...
Живите, милые! А мы почили в Бозе,
Не забывай, жена, наследник-сын... и дочь!

Мы всех приветим лаской солнца, легким ветром
И теплым дождиком, что урожай вам даст.
То колокольным звоном, то душевным светом,
Но только молим: «Помните о Нас!...»

Август 2000 г.

«...были убиты знаменитые, великие и удалые, имена же их таковы: князь Федор Романович Белозерский и сын его - князь Иван, князь Федор Семенович, князь Иван Михайлович, князь Федор Торусский, князь Метислав, брат его, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула Васильевич, сын тысяцкого, Михайло да Иван Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Шуба, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевич Акатьевича, называемый Валуй, Михайло Бренко, Лев Морозов, Тарас Шатнев, Семен Мелик, Дмитрий Минин, Сергиев чернец Пересвет, он же Александр, бывший прежде брянским боярином... И были все те, которых имена названы, великие удалыцы и богатыри, а прочих князей, бояр, воевод, кнежат, детей боярских, слуг, пехотинцев бесчисленное множество убито, и кто их может пересчитать или назвать, если и число их потеряно? Записаны их имена в Книги Жизни».

Из «Повести о Куликовской битве».

Гуляет важно по аллее граф,
Орлиный нос, камзол, трость в изумрудах.
Поляна вся в ковре из мятных трав,
И с веток нависают яблоч груды.

В короне солнца на пригорке дом
Укрыт сиренью, паводком ирисов,
Раскрыт наполовину пухлый том
О де Гриё с его сердечным риском.

Из окон вдруг доносит ветерок
Девичий голос, скрипки перепады.
О чем смычком поведает игрок,
Что шмель степенный прожужжит руладой.

Но не раскрыл нам тайны той клавиры,
А рай исчез, усадебный, исконный...
И смотрит он со стареньких картин
Глазами Богородицы иконной.

Я б выбрал тоже век Екатерин,
Амурных взлетов, подвигов, амбиций...
За честь страдающий гардемарин
Моей России и императрицы.

Декабрь 1998 г.

ПОЦЕЛУЙ

Маркиз на сомовской гравюре,
Я ручки томно целовал
Моей Annet, и ей амуры
На ухо страстные шептал.

Присели на скамейке рядом,
Она смеется «хи» да «ха»,
А я ей про грехи де Сада,
Его любовные дела.

Какие грудки наливные!
Пленителен лица овал...
Что я не выдержал впервые
И голубем заворковал.

Вдруг смолкла хохотунья мило
И, косы распустив свои,
Мне поцелуем рот закрывала...
И я забыл про дни, часы.

А розы счастьем пламенели,
Смотря на пылкую возню,
Акафисты нам дружно пели,
Склоняли к сладостному сну.

Все мысли дружно помутились,
Но бормочу: «Mon cher ami!»
Тут в спину ноготки вонзились...
И я познал восторг любви.

Post scriptum.

Когда тоска не в шутку скрутит,
Бегите сразу в Летний в сад,
И пусть красotka Вас целует,
Из ласк устроив сердцепад.

Август 2000 г.

551804

Тропинка петляет меж елей,
В ней жизни теряется след.
В Михайловском, в царстве метелей,
Опальный тоскует поэт.

Все версты, сугробы, заносы...
Поземка зовет на погост.
Зимы проступают угрозы
В тревожном узорочье звезд.

Спасают стихи, завирушки,
Что няня расскажет ко сну.
Елена, Яга и зверушки
Быстрее приближают весну.

Поедет в Тригорское гостем
(От Вульфов прислали ответ).
Еще не пробило и восемь,
А в окнах уж теплится свет.

Он, словно надежды касанье,
Приветливых глаз огонек,
Семьи дружелюбной посланье
И слова сияющий слог.

Остроты, беседы, романсы
И танца торжественный тур,
Рождаются с легкостью стансы,
И царствует в доме Амур.

Провинция, муза, шалуни
Любовь воскресили вдвойне,
В Тригорском опять полнолуние
И свет канделябра в окне.

Февраль 1999 г.

На не приметной речке Черной...
Какой нам выпал год и век!
В тот день для всей России скорбный
Кровь обагрила белый снег.

Страстей слепых игра, интриги
И смертоносный пули суд
Вдруг так пронзительно и мигом
Нить жизни грубо оборвут.

Но не обманешь смерть с косою...
Скорбящим стал страданий шлях...
И шла Россия к нам босою,
В слезах... Да так и не дошла.

Я в храм войду с душой смиренной,
Свечу поставлю и зажгу
И помолюсь за убиенных,
За тех, о ком Христу скажу...

На незабвенной речке Черной
(Смешались в горе день и век)
Упал, чтоб стать звездой горней.
Курчавый, смуглый человек.

Февраль 1999 г.

А Пушкин не канул в вечность,
В беспмятство быта и снов,
Хоть звезды уходят в млечность,
Но к нам возвращаются вновь.

Курчавый знакомый профиль
Дороже сиятельных лиц.
Стихи, зарисовки, строфы
Струятся с бессмертных страниц.

А жизнь то расцвет, то ветхость,
И хочется все вопрошать.
Но Пушкин для нас - неизбежность
Прекрасное приумножать.

Апрель 1999 г.

П.П. Ершову

Ах, Конек-горбунок!
Ты взлетаешь в полночное небо,
Чтобы звездный порог
Превратился б для нас в быль, не в небыль.
Чтоб узоры из звезд
Вызывали восторг, восхищенье,
Чтобы вид их красот
Пробуждал лишь любовь и смущенье,
Чтоб простецкий Иван.
А таких, Боже, тыщи и тыщи.
Свой обрел талисман
От сердечной тоски и скучищи,
Чтоб подругу нашел,
Девку красную в дальнем подворье,
Хоть и гол как сокол,
Но здоров и не чахнет от хворей.
И тогда горбунок
Отдохнет от трудов и от таски...
Он любимый конек,
А любимым побольше бы ласки.

25.04.2002 г.

НАДСОН В КРЫМУ

Сад не спит, окутанный сиренью,
Сад вздыхает, словно старый дед,
И, внимая радостному пенью,
Бродит он, мечтатель и поэт.

Вдалеке неясный шорох моря,
В небе золотистая луна,
И прибоем в такт негромко вторит
В тишине поющая струна.

То звучит надрывно и печально,
То смеется шалою листвою
Предается сладкому мечтанью
И манит девчонкой озорной.

На дороге пляшут тенью мимы,
Смотрит строго старая сова,
И, сплетаясь в песенные ритмы,
Оживают мертвые слова.

Он забылся в образах нездешних,
Мысль звездой падучею горит,
И как будто кто-то древний, вещий
С ним о сокровенном говорит.

Сад притих, уснувший и спокойный,
Серебрятся в дымке небеса,
И застыла каплей полусонной
На цветах прозрачная роса.

1963, 1996 г.г.

Я смотрю на картину Крамского,
Где Христос, как всегда, одинок...
От пустыни, камней веет кровью
И тоской, что лишь Он превозмог.

Третьяковка, ты русская слава,
Всем поведай о крестном пути,
Чтобы в сердце не боль и отравы,
Но отрада проснулась в груди.

Распинаться давайте не будем,
Нам России страницы листать...
А она вся опять на распутье,
Это ей придан облик Христа.

Как тревожно восток озаряет
Все пространство, где странник сидит...
Но опять пусть для нас воссияет
Солнце истины, что победит.

23.08.2002 г.

Смотрю на старое и выцветшее фото:
Седой мужчина с пышными усами,
Его жена - с улыбкой грустной и не гордой,
И сын - гардемарин в мундире - Саня.

Он не вернулся - пал под городом Мукденом.
Невеста так подавлена... нет мочи,
А мать погибшего рыдает ночью, днём,
Страдает сердцем, выплакав все очи.

Отец запил, заках... И род их оборвался,
А драма эта среди нас нередка,
Ведь сколько мы еще не станцевали вальсов,
Которыми пленялись наши предки.

Мне не забыть семью со старенького фото,
Особенно того, кто счел за благо
Гардемарином стать и офицером флота,
Страну беречь и Честь родного флага.

Через года, через крутые лихолетья
К тебе я обращаюсь, Саня Панин!
Россия - наша мать! Мы за нее в ответе...
Нам смерть - не смерть. Победа будет с нами!
Октябрь 1996 г.

«АМУРСКИЕ ВОЛНЫ»

Старинного вальса призывные звуки
Разносятся грустно, возвышенно, скромно...
«Амурские волны». вас деда и внуки
Всегда танцевали под небом огромным.

Под пологом ночи, под синим покровом,
Где звезды влюбленно на землю мигают,
Где в бликах фонарных и желто-багровых
Таинственно ели на мир наш взирают.

Там музыка царствует, молодость правит,
Там бал для красивых, надежных, отважных,
Там пышут здоровьем, мечтою и правдой,
Там столько любимых и столько бесстрашных...

Поручик в мундире, смущенный и ловкий,
Кружит по площадке с избранницей страстно,
Она же в порыве, откинув головку,
Плывет в ритмах вальса стремительных, частых.

Не нужно тут слов и пожатий несмелых,
Не писем безумных, уклончивых, важных...
Здесь музыка в душах прекрасных и светлых,
Здесь вальса победы восторгами свяжут.

Уж минуло много годов и угасло...
Ушли поколения... След затерялся.
Но вновь воскресает упорно и властно
Пленительный ритм старинного вальса.

Он нынче изгнанник, но молод и вечен,
Он вдруг закружит так, шутя, полпланеты...
И сбросим с себя омертвелые речи,
Бескрылые пути и вражьи наветы.

И пусть вальс не моден. Но вы мне поверьте,
Нет истины выше, чем жизнь человека...
«Амурские волны», вы наше бессмертье,
Вы наша надежда, мелодия Века!

Октябрь 1996 г.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

*30 ноября 1909 года в восьмом часу
вечера скоропостижно скончался от
разрыва сердца на ступеньках
подъезда Царскосельского (ныне
Витебского) вокзала русский поэт
Иннокентий Анненский.*

Царское Село... перрон вокзала.
Моросит, изматывая, дождь,
Серый полог грустью искромсало,
И тоскливо пробирает дрожь.

А кругом снуют платки и рожи,
Шубы, животы... и чей-то нос
Штопором уставился негоже
На букет из ярко-красных роз.

Господин с пушистыми усами,
В аспидном пальто, красив, высок...
Все ведет с родными небесами
Разговор под шум и кривотолк.

«О Эллады мраморные своды,
Жертвенников брачные огни,
Кифареды, алтари свободы,
Крик Медеи и Елены сны!

Подари же, слякотная осень,
Для поэта творческий восторг,
Чтобы хвойным ароматом сосен
Задышал над речкой косогор.

Но довольно милых отражений,
В сердце черная дыра и боль!
И в упор взирает без сомнений
На меня изгнившим ртом юдолю...»

Господину что-то вдруг нейметя,
Сделал шаг, упал на папапет...
У России сердце тоже рвется,
Если не дадут ей песен петь!

Сентябрь 1998 г.

А.Блоку

Закат спустился на зубчатый лес.
Усадьба погрузилась в дрему сна.
И благовест на мир крестьянский весь.
А в нем Руси молитвенное слово.

Вот сумерки собой одели бор,
И тишины дыхания не слышно.
Кругом покой. Закончен жаркий спор.
Вдруг пауза - и песнь струится свыше.

Гортанный низкий голос в ночь поет.
То «Невечерняя» царит на свете.
Как упоителен ее полет,
Какая боль, какая грусть в победе...

В нескладной, полной женщине навзрыд
Рождается мелодия такая,
В ней божества восторг и чувства взрыв,
И кажется, что песнь звучит святая.

Но вслед за этим страстный скрипки взвизг,
Цыганка не поет, а в плаче бьется.
Как будто наступил смертельный риск
И сердца бег от страсти оборвется.

И слушает античный полубог
Цыганку Варю, Вареньку, сивиллу.
Золотокудрого звать Александр Блок.
Разлука с жизнью - расставанье с милой.

Но песня стихла... Утро настает.
И на панель уходит незнакомка.
А рядом кто-то мерзкий ржет и пьет.
Рыгает в стол и матерится громко.

Декабрь 1996 г.

«...Изысканный бродит жираф».

Н.С. Гумилев

Поэт российский Ника Гумилев,
Высокий, с чуть косящими глазами,
Бесстрашно шел на африканских львов
С молитвой и волшебными стихами.

Он бредил приключениями не год,
Влюбившись в девушку с печальной улыбкой.
Но Аня Горенко - сердечной смуты код
И тайна, ставшая неуловимой, зыбкой.

Он - денди-шут и рыцарь-доброхот,
Высокомерен и раскрыт для Бога,
В нем жив герой из древних саг и од
И мастер поэтического слога.

Лихой кавалерист на фронте Мировой,
Всегда простой в общении и дружбе,
Он был с избранниками только свой,
По духу - друг и сердцу - не по службе.

Достоинство - его великий дар,
А честь не променяет на карьеру,
Террор в стране пылает, как пожар,
Окрашенный в кровавую химеру.

И следователь - некий Якобсон
В штанах из кожи - мерзкий кровопийца,
Обрек поэта на смертельный сон,
Он и Агранов - гения убийцы.

Россия, гибель эту не забудь!
Финал кровавый - сатаны свершение.
«Иду к Тебе... Иду в последний путь...
О Господи! Прости мне прегрешенья!»

Февраль 1997 г.

«Родина сильнее смерти».

Велимир Хлебников

Велимир, Велимир. Велимир...
Бумеранг возвращается в сердце,
И уносит к звезде Альтаир
Вдохновенное слово из детства.

А оно в астраханских степях;
В плавнях, речках, лесных пригорках.
Свиристель вдруг окликнул тебя,
Зинзивер в камышах славит зорьку.

Как взлетают легко времири,
Путь заранее лешими мечен,
А небес лазурит: «Обомри!»
Время в камень оделось навечно.

И кружит... И звенит... И поет...
Благолепием божиим дышит,
Заворкует и грянет в излет
Ритмом, песенкой, словом всевышним.

В тридцать шесть с небольшим тяжких лет,
Над Санталово в плаче Стожары,
Умирать будет русский поэт,
Обезноженный гений Земшара.

И в последнем предсмертном бреду
Промелькнули гимназии годы,
И увиделся в третьем ряду
Мальчик Виктор, застенчивый, гордый.

А потом - он студент и поэт,
Математик, филолог и мистик,
Авангарда российского мэтр
И скандалов творец, только свистни...

Ему ближе Гуро и Бурлюк,
И Алешка Крученых - не промах,
Даже Казик Малевич сам - друг.
А Василий Каменский - опора.

Ах, как бедному хочется жить,
Но почти прекратилось дыхание:
«Чашу горькую дайте испить
На прощанье, друзья, на прощанье...»

Март 1997 г.

*«Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет».*

С. Есенин. «Письмо матери»

«Матушка, открой-ка двери в сени!
Отзвучали крики птичьих стай,
Из Москвы я, твой Сергей Есенин,
Заявился на домашний чай...»

В клетчатом пальто, цилиндр помятый
И в руке блистает лаком трость.
От лица пахнуло медом, мятой,
На ладони винограда гроздь.

Нет дороже очага родного.
Как приветлив из трубы дымок!
И в углу, где печь встречает снова,
С щами ждет трудяга-чугунок.

А напротив с шишаками койка,
Темные иконы, образа...
На окне взлетает в клетке сойка,
На столе цветов степных краса.

Он не ведает, что власть марксистов
Захлестнет удавкой жизнь его,
А пока все так уютно, чисто,
Кот заснул, поет веретено...

Мать есть мать. «Сережа, мой сыночек!
Я связала для тебя носки.
Чтоб морозных и холодных ночек
Не боялся, как лихой тоски...»

Заскрипели ходики спокойно,
Призывая отдыхать и спать.
Мать задула лампу и невольно
Вдруг слезу смахнула на кровать.

И забылся в сне ее беспутный,
В детстве утопая, как в лугах,
Завтра утром день наступит судный,
Боже! Пожалей людей и птах!

Сентябрь 1999 г.

*«Чем выше музыка любви,
Тем громче музыка печати...»*

Б. Окуджава

Моя Айседора, ты смотришь с портрета.
И грусть затаилась в лазурных глазах...
Ты муза любимого Русью поэта,
Ты рыжая опадь в его волосах.

Когда под мелодию жалостной флейты
Вплывала ты нимфой и в вечность звала.
Восторг пробуждая. То вызовом смерти
Та музыка тела и сердца была.

Но жизнь убивает безжалостно, люто:
На парне рязанском удавкой аркан...
Не знает душа его в эти минуты,
Как шарф захлестнется на шее Дункан.

Вы стали легендой. Сергей, Изадора,
И нам тосковать еще долго по ней...
А песню рождают степные просторы
Под танцы и бег длинногривых коней.

4.03.2002 г.

Припаду я головой
К матери-Отчизне:
«Я, Россия, ратник твой,
Пахарь слов и чисел...

И работник, и поэт,
Малая кровинка.
И бреду я столько лет
Ко твоей глубинке.

К темным муромским лесам
И лужайкам мшистым
Принесу я сердце сам
Из степей ишимских.

И седая голова
Затрясется в плаче,
В плаче радости, братва,
От такой удачи».

Июнь 1996 г.

ВАЦЛАВ НИЖИНСКИЙ

*«Каждое его движение - это была поэзия.
Каждый прыжок - полет в страну фантазии».*

Чарли Чаплин

*Он в воздухе парит, и сила притяженья
Ему не может в этом помешать.
Он - дух полета вне служенья и княженья.
Он - гений, и ему судьбу решать.
В восторгах и слезах парижская богема.
Овации из залы все растут...
Вот возникает сцена из античной геммы,
Где нимфа с фавном пробужденья ждут.
Какая красота движений, пируэтов,
Какая мощь в прыжках! Их страстью звать.
И эта танца власть, как слово у поэта,
Что заставляет мертвых оживать.
Дикарь и маг, маэстро, чудо вдохновенья,
Творец любви, сжигающий себя.
России дух крылатый, ветра дуновенье
И мук своих не вынесший судья.
Безумье раннее с часами горя сверьте...
В конце же жизни роковой финал,
Когда в тоске и ожиданье зова смерти
Он слово «матушка» в бреду шептал.
Кого назвал? Нам не дано найти ответ...
Элеонору-мать, жену, а может, Смерть?*

Январь 2001 г.

ГОЛГОФА ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

*«Место захоронения было обнаружено, труп
вырыт, сброшенное на землю тело покойника
сфотографировали, после чего пытались
повесить на дереве, веревка оборвалась. Затем
обезображенный
ударами шашек труп отвезли на городские
бойни, где, обложив соломой, сожгли...»
Из исторических документов*

Глумится в гнев красная Россия,
Не осознав всей низости своей,
Останки мужа, воина и мессии
Висят для устрашения людей.

Зверье в кожанках и папах драных:
Солдаты и марксисты-палачи,
Осатанев от дел дурных, кровавых,
Вонзают в тело пули, секачи.

Заборный мат для них всегда в законе,
Костер возгнали под телом дикари,
Пылают на огне большом погоны,
Мундир с крестом, иконка, стихари...

Какая все же подлая стихия!
В ней жизнью правят нож и револьвер.
Нас поразила снова лейкемия
Из фраз марксистских и преступных дел.

Террор, кругом террор... разруха, трупы,
Расправа в цвет знамен воплощена,
Как обездушены мы были, тупы
В те дни кровавые и времена.

Не к Богу с чистым сердцем, не к закону...
Скорей к доносам, страхам - не к кресту.
Не петь в стране малиновому звону,
Не быть любви к распятому Христу.

Забыли даже слово «православный»,
Язык увяз в тягучей немоте,
И над страной возник партиец сраный,
Приведший нас к духовной нищете.

Беда, когда в душе совсем нет Бога,
Мерзавцы в мире властвуют везде.
Россия! Мы найдем к тебе дорогу,
Ведущую к божественной звезде.

Она во мне и в каждом не зарыта.
Ее сиянье нас должно спасти.
Но к ней пути порою просто скрыты,
Что все трудней надежду обрести.

Я каюсь пред тобою, Лавр Корнилов.
Как к истине запутаны следы,
Но снова обретаю в небе силы
И вновь кладу на холмик твой цветы.

Сентябрь 1998 г.

Осени меня, Осень, родниковою свежестью мысли,
Одари меня, Осень, любовью - не тоской сухостоя,
Не бросай меня, Осень, если тяжкие тучи нависли,
Сбереги меня, Осень, если в доме запахло бедою.

Вот уходит в пустоты, в бездну неба мое поколение,
И дожди зарядили, словно слезы вдовы, на рассвете.
Неужели порывы угасли и увяли стремленья,
Неужели сердца не забьются? Как за все мы в ответе!

Я люблю карнавальные игры в час, когда полнолунье,
Я влюблен в тишину и в деревья, что беседуют ночью,
Я раскрою чудесные тайны, что хранит Шакьямуни,
Я с Христом повстречаюсь, конечно, и всерьез, и воочью.

Но прошу тебя, Осень! Дай прозреть добротой, а не злобой,
Если в смутах сердечных вновь запросит душа возродиться,
Я желаю, чтоб на площади Красной, кровавой и лобной,
Засияли от счастья и глаза, и улыбки на лицах.

Август 1999 г.

ПАРФЕНОН

Акрополь, абаки*, аркада...
Оракул вещает на бис,
Из мрамора тут анфилады,
Прекрасен узорочьем фриз.

До ясности резкость лазури,
Стремительна легкость колонн,
Шагает сквозь времени бури
Красавец веков Парфенон.

Храм тянет с надеждой ладони,
Забыв про вражду и мечту,
В забвении Троя и троны,
Гомера не знают, но чтут.

Отравлены алчностью души,
Об этом хоть книги пиши,
Все меньше страдаешь от стужи
И больше - от хамства и лжи.

Мы лишь равнодушное стадо,
Идущее в ночь на убой.
Афины, Парнас и Эллада,
Гордитесь своей красотой!

Декабрь 1998 г.

* Абака (греч.) - верхняя часть капители колонны,
обычно в форме прямоугольной плиты.

ИМПЕРАТОР

Б. Самусеву

На подиум взойду. На подиуме - кресло.
Я император - важен, горд, мясист.
Толпа придворных рукоплещет пресно,
Не зная истины. что я фигляр, артист.

Я выпучил глаза, брезгливо свесил губы,
Я презирать людишек, ох, какой мастак!
Мне так противны прохиндеи и не любви,
Я их, всех мяконьких, пустил бы под наждак.

Мои слова - закон и меч мой - право,
Я тело женское люблю терзать всю ночь,
Мужья приветливо кричат мне: «Браво!»
Я мучил их подруг и гнал с позором прочь.

Я император! Мне подвластна Ойкумена,
Я слышу клич и рев солдат, печатающих шаг.
Под лязг и свист клинков притихнет вмиг измена,
И склонит выю мне в печали Рима враг.

Не верю никому, пресыщенный, капризный...
Мне страшно... Тяжело... Я одинокий волк.
Империя больна. Ей не хватает жизни,
В ней мало совести. И потому я зол.

Но хватит слов... Мой жест циничен, низок.
Я покидаю трон. Мне хочется поспать.
Как скучно во дворце, где столько одалисок,
Где есть шуты. но руку некому подать!

27-29 июля 1996 г.

Осипу Мандельштаму

Жужжанье ос, и в нем возникло имя Ося,
Поэзия его - души нектар.
Он сопрягал века, с себя вериги сбросив,
И в сердце нес любви великой дар.

В нем интеллект ветхозаветного пророка,
Он эллин, иудей из россиян.
Талант ему завещан в слове вещем Бога,
Он из страны, где пел для нас Боян.

Какая красота в словах и их паренье,
Как бредит вдохновеньем Осин лик!
Вдруг образ оживает в чуде озаренья,
Вдруг звук поющей речи в нас проник.

Когда же к нам пришел час тяжких испытаний,
Когда замолкла совесть, дух сомтел...
А жизнь казалась сном, таким дурным и странным,
И страх вселенский всеми овладел...

Кремлевскому тирану, горцу, тезке, змею
Он вызов бросил, честь России спас.
На вид хилак всего, но муж среди пигмеев,
Поступком смерть поправил и в ней угас.

Пиит небритый и служитель муз парнасских,
Тебя, твои стихи я не предаю.
Ты мой Орфей и добрый дух из детской сказки,
Которого звать Осип Мандельштам!

Ноябрь 1996 г.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

*«Мне не надо блаженства ценой
унижения».*
М. Цветаева

Рука творца привычно месит глину,
В ней оживает праотец Адам.
Но может, до него была Марина,
Морская пена, чудо и обман.

Она в порыве и в плену искуса,
Открыта всем - и это неспроста,
Ей дар души вручен от Иисуса,
Голгофа - от распятого Христа.

В ней Библии торжественное слово,
Она - стихия, дуновение, новь,
В гармонию ликующую снова
Стремятся строчки девичьих стихов.

Безмерная и мудрая Марина!
Вся жизнь твоя - не поле перейти,
Сгубили быт, война, вождей личины
И правда, ложь, готовая смести.

В Елабуге затеряна могила...
И воют ветры сатанинских сфер.
Жена «врага народа» невзлюбила
ГУЛАГ с названием ЭСЭСЭСЭР.

Но победят мороку, тлен, забвенье
Огонь добра, дыхание вещих слов,
Пришедших к нам, как светлое мгновенье,
Вернувших всем Россию добрых снов.

Ноябрь 1996 г.

А. Ф. Лосеву

Розовощекий пухленький малыш,
Голубоглазый баловень у папы.
Под скатом жестяных с подпалиною крыш
Щенку щипцами переламывает лапы.

Визг переходит в вой и сердца сбой,
Скулит щенок, что дрожь по коже пробегает.
Невыносимая в глазах собачьих боль
Усмешку херувима вызывает.

Он счастлив, убивая песью жизнь,
Он сыт, обут, не знает мук печали.
Его каприз - закон. Семья без укоризн
В мальце своем совсем души не чаёт.

Откуда страсть к мучительству и злу,
Откуда чистая и ясная улыбка,
Откуда? Сердцем просто не пойму,
Перехватило горло сукровицей липкой.

Май 1998 г.

БАЛЛАДА О БАРДЕ

Посвящается В.С. Высоцкому

Ворона накаркала барду беду.
А он продолжал шутить.
Всегда рисковал и спешил на лету
Дружить и всерьез любить.

Творец в нем признал только власть - и одну:
Быть в жизни самым собой.
Его же хотели к ногтю и ко дну,
А он уходил в запой.

Но если печаль перешла бы в тоску
И не было мочи ждать,
Он совесть и душу готовил к броску,
Чтоб песне свободу дать.

Ворона накаркала барду беду,
А было ему сорок два.
И сердце устало стучать на посту...
И смерть тут за ним пришла.

Август 2000 г.

*«И не раскаялись они в убийствах своих, ни
в чародействах своих, ни в блудодеянии
своем, ни в воровстве своем».*

*Новый Завет. Откровение святого
Иоанна. 9:21.*

Кровавым росчерком тирана
Решалась родины судьба,
Ее зияющие раны
Раскрылись в муках и скорбях.

Тянулись смерти эшелоны
Змеей на север, юг, восток,
В них задыхались миллионы,
Чей растворился в мире вздох.

А вместо солнца с небосклона
По мановению вождя
Взошла для обреченных СЛОНа*
Пятиконечная звезда.

Сверкала новая Горгона
Очами ужаса и зла,
Ее рубиновая крона
Обманывала и влекла,

Пленяла маршами и песней,
Парадами, снижением цен
И заглушала все успешней
Истошный крик кровавых сцен.

Неправый суд и смерть в бараке,
Растоптанную пыткой честь...
И столько было боли в мраке,
Что и сейчас не перечечь!

Я помню Осипа и Павла,
Бориса, Хармса** имена...
Кометой горестной упала
Их жизнь: надежда и вина.

Какое черное сиянье!
Мы растеряли совесть, стыд...
И где же наше покаянье?
И всем нам быть - или не быть?..

Июнь 1997 г.

*** СЛОН - Северные Лагеря Особого Назначения, одно из первых и крупных подразделений ГУЛАГа.**

**** Осип Мандельштам (1891-1938), Павел Васильев (1909-1937), Борис Корнилов (1907-1938), Даниил Хармс (1905-1942) - русские и советские поэты, погибшие в годы репрессий.**

Отец и дочь шагают по тропинке,
Я слышу их неспешный разговор,
Кузнечики танцуют по старинке,
И солнце вновь заглядывает в бор.

Парит в лесу... Грибами пахнет лето,
Тропинка уже... И ее как нет.
И вот стоят перед судьбой и метой
Он и она - на перепутье лет.

Та мета - дуб, огромный и могучий,
Весь в шрамах и морщинах закален,
И под шатром листвы его плакучей
Как будто раздается тихий звон.

И кажется, что от корней ползучих,
Из каждой ветки, листика, ствола,
Жизнь - песенка, что радует и мучит,
Готова петь, труслива и смела.

И девочка в тревоге и смущенье
К отцу прижалась и во все глаза
Глядит на то, что ждет ее в свершеньях,
В тоске и муках, вздохах и слезах.

Открылось все: любовь и встреча с мужем,
Отцу несправедливый приговор.
И мать седая от беды и стужи,
И страхом меченный оконный створ.

Но миг прошел. Отец, любя, склонился,
Поднял на плечи, прочно усадил,
Вспять повернул. Диск солнечный садился.
А над страной кровавый серп всходил.

Август 1996 г.

Донос, как состояние души,
У нас в крови глубоко затаился.
Он добирался до любой глуши
И никогда во тьме с пути не сбился.

Одним принес кошмар и боль в ночи,
Другим платил за клевету, наветы...
И становился добродетелью почти
В стране, где мало совести и света.

Он посещал большие города...
Гремели в парках гимны, марши, песни,
Опустошая страхом навсегда
Поселки, станции, колхозы и деревни.

И обещал не трогать и сажать
В обмен на «подвиг» рыжего Иуды,
Звал жалость к ближнему не проявлять,
Считая сострадание шагом к смуте.

И как же вынесла красавица земля
Такое на своем прекрасном теле?
Все разъедала вожденосно тля...
И в этом деле славно преуспела.

Не разомкнули мы позора круг
И не покалялись, не обрели прозренья,
Мы стали бомжами и нацией пьянчуг,
И нет для нас вселенского прощенья!

Июль 1998 г.

Я позабыл дорогу к дому,
Что выстроил в Сибири дед.
Там куст сирени цвел в истоме,
Там клен кивал и слал привет.

Года ушли, а с ними войны,
Три революции, террор...
Мой дед, как человек достойный,
Расстрелян красными в упор.

И вся в слезах, души не чая,
Спасая собственных ребят.
Носила бабушка в печали
Крест вдовий через жизни смрад.

А дом снесли, сирень спилили,
Клен чах в тоске и облысел.
Кругом пустырь, заборы сгнили,
Остановилась карусель.

Но время - дело непростое.
Его не повернуть назад.
А мы с тобою, друг, в застое.
Мы не успели в райский сад.

В тоске я, и поет певица.
Очарование глаз и грез.
Смывая в памяти страницы.
Плняя голосом всерьез.

Март 1999 г.

Так как же жить без Бога, господ?!
Без веры люди век свой доживают,
На улицах тоска... Кругом беда,
В семье за деньги ближних убивают.

Повсюду раздается громкий мат,
Язык заполонили варваризмы,
Обман везде - и тут же компромат,
Всем можно воровать - и нету риска.

Позор такой не вынесет земля,
Природа корчится от боли и тревоги,
Как поразила нас неверия стрела!
Мы позабыли о любви и Боге.

Сознание разрушается впотьмах,
А с ним исчезло наше вдохновенье,
Та неужели этой жизни крах
Возник из сатанинского мгновенья?!

Так как же жить без Бога, господ?!
Вернемся ли обратно в божье лоно...
Спасет наш мир не только красота,
Но и напев малинового звона!

Декабрь 1996 г.

Мучительно ждать, не надеясь на чудо.
Еще тяжелей понимать - ты пленен
Веригами, что рыжеватый Иуда
Опутал нас сумраком старых времен.
И если возникнет такая возможность,
Назначит цену за страдания Христа.
Лишь тридцать монет - плата просто за
подлость,
Предлог для предательства, жалкая мзда.
В лугах заливных запах, цвет медуницы,
В них хочется с блажью чуток подремать,
Забуть про заботы и хмурые лица,
О Боге подумать, Россию стать...
Опять воскресив в сердце память и маму,
Понять, что «авось» - ненадежный оплот,
Взойти по дороге к небесному храму,
Что куполом держит лазоревый свод.
И в душу прольется такое сиянье
От Сергия, Пушкина, Блока, Козьмы...
Мы сами с усами, ведь мы россияне,
Ведь мы одоление мрака и тьмы.

Июль 2000 г.

Говорят, что жизнь - лишь шоу,
В ней бесчинства, мишура,
Где в угоду живоглоту
Унижается душа.

Где распято все, что свято,
Где свирепствует молва,
Где записаны на сайте
Сатанинские слова.

Может, так, а может, этак,
Я не знаю, что сказать.
У пророков и поэтов
Нет путей, чтоб отступить.

Может, стать властей холопом,
Их заказы выполнять,
Можно на Парнасе лобном
Щеки бедам подставлять.

Но дороже нам свобода
Незапятнанная слов,
Вдохновение - не мода,
Не поклажа для ослов.

Для утряски, для усушки
В забубенной глубине
Вдруг метафоры-зверушки
Зароятся в голове...

И родится чудо-образ,
Полный чувства, красоты,
И улыбкой счастья космос
Нас приветит с высоты.

Июль 2001 г.

ДЕРЕВЕНЬКА

В. Гундареву

Деревенька притулилась
У развилки трех дорог.
Ночью мама мне приснилась,
И еще родной порог.

Вот избушка вырастает
Из бурьяна... цедит свет.
Банька топится простая,
Чуть поодаль - сельсовет.

На завалинке из шлака
Степа курит самосад...
Гонят самогон в бараке,
Подзарос крапивой сад.

Захолустье и унынье...
Будто совершен набег.
Неужели бесы, свиньи
Превратили нас в калек?!

Но закончится молчанье,
Прокричит с утра петух,
Трактор проворчит сельчанам,
В поле на коне пастух.

Верю я - уйдешь из плена.
Знаю - очень тяжело...
Все ж поднимешься с коленей
И поймешь, что зло прошло.

Но не слышно песни вольной,
Что на запад... на восток...
Деревенька, сердцу больно
На развилке трех дорог!

Май 2002 г.

Ю.Ф. Захарову

Мой друг, я рад без всякой лести,
Что ты улыбчив и здоров,
Что в наших душах повсеместно
Играет солнечная кровь.

Ты много строил и скитался
На казахстанской целине
И в сердце с ней навек остался...
Мы все тоскуем по весне.

Шагай уверенно и смело,
Ты не болтун и демагог,
А слова человек и дела,
Всего того, что жизни впрок.

Не разлучат нас свары, бури,
С ног не собьет дурная весть,
Уверен я - Захаров Юрий
Не предаст друзей и честь.

И пусть твой храм с веселым звоном
Приветствует тебя всегда...
Я знаю, что на небосклоне
Зажглась еще одна звезда.

Сентябрь 2002 г.

Шлет судьба удачи и удары.
Как непредсказуема она!
Миром правит запах перегара,
И трещит от боли голова.

Господи, почто так много вздора!
Люди бегают, кричат, спешат...
Роботы, компьютеры, моторы
Превратили жизни наши в ад.

Прочь от закодированной гонки,
От толпы, газет и суеты...
Голоса слышны под утро звонко,
То кричат в поселках петухи.

Милые дурашливые птицы,
Вы - певцы последние земли!
Мне уже не снится и не спится...
Дурь, тоска до точки довели.

Нет, не точка... только запятая,
Станция последняя в пути,
А за ней такая тьма глухая,
А за ней гудки, гудки, гудки...

Август 2000 г.

Ландшафты

ТАЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Как оживают в памяти цветы
Таежные, неяркие, простые...
Средь сосен первозданной красоты
Они такие скромные, родные.

Как нежен, тонок, свеж их аромат,
И не сравнить его с дыханьем юга.
Он - запах счастья. Тот ему не брат,
Кому желанны ненависти вьюги.

А жизнь швыряет оземь, невпопад,
Наносит шрамы и не знает шутки,
В глазах твоих, и я безмерно рад,
Сияет свет восторженный и чуткий.

Прости меня... суровый облик мой,
В нем кроется такая бездна страсти...
Слезой любви тревогу сердца смой
И сбереги улыбкой от напасти.

Опорой стану для твоей мечты,
А смерть придется только раз изведать.
Припомни, как в тайге поют цветы,
Порхают поцелуи на рассвете.

Ноябрь 1997 г.

Седые лешаки в кустах гогочут,
Встревожив гладь озерной тишины,
И берегиням материнство прочат,
Их в камыши зовут и дарят сны.

В реке плеснет хвостом игриво рыба,
Сопровождая бег изящных волн,
И вдруг всплывет волшебница Улыба,
Краса и гордость, вила* здешних вод.

Лишь прозвучит порой сигнал машины,
Да в небе самолет прочертит след,
А в глубине листвы и паутины
Теряется надолго солнца свет.

Здесь логово седой беззубой дамы,
Яга ей имя, все детей страшит
Морщинами и впалыми висками,
Глаза ее, как уголь - антрацит.

Все носом шмыгает. И крикнет, ахнет,
Почувствует нутром, ей нелегко,
«Фу, фу! Тут слишком духом русским пахнет,
Я не могу переварить его».

Но в темноте поет еще Страх-птица,
Чертоги тут Судьбы, их метит Чур,
И не увидать близкие нам лица,
Здесь Мора, Чернобог и Карачун**.

А дальше исчезают сны и сказки,
Врываются обида и тоска...
Я не хочу по чьей-то жить указке,
Мне путь указан песней лесунка!

Октябрь 1996 г.

* Вила (сл.) - у древних славян: языческая
дева вод, подобно русалке.

** Страх, Чур, Мора, Чернобог, Карачун -
славянские языческие божества.

Ах, осень! Полон лес листвы и нежити,
Шушукают шишиги, корчат рожицы,
Кикиморы в обнимку жмутся с лешими,
Да ветер свищет в златокудрых рощицах.

И птицы, оживленно с ним беседуя,
Взлетают энергично в небо клиньями,
Они на времена уже не сетуют,
Они на юг стремятся горькой линией.

Морозным серебром чуть припорошены
Поля пестреют шахматными клетками,
Темнеет с горя трактор кем-то брошенный,
И куст молчит с воздетой к небу веткою.

В бараках грязных, где судьбой пропитано,
И пахнет потом, табаком, сивухой...
В них все тоской смертельно пронизано,
В них правит зло с тараканьем и мухами.

Стоит, стоит кругом пора унылая,
И птичий караван по небу тянется...
Так неужели жизнь теперь постыла нам
И навсегда душа с Христом расстанется?!

Октябрь 1996 г.

ПО ИРТЫШУ

На катере плыву по Иртышу,
Волна, ярясь, кидается вдогонку.
Обид своих в душе не ворошу,
Что жаждут затянуть меня в воронку.

Я радуюсь бегущим берегам,
Их зелени из царственной короны,
Вот также годы пробегут, и нам
Оставят только отзвуки гармонии.

Но, наблюдая пенную волну,
Ее веселье и слепую ярость,
Я забываю прошлую войну
И про свою грядущую усталость.

А ветер обвевает мне лицо.
Река прохладой, свежестью встречает
И надевает на меня кольцо.
И властно от себя не отпускает.

Так я повенчан с праздничной рекой.
Ее в Сибири нет, пожалуй, краше.
Поверь, Иртыш, теперь ты не изгой.
Скорей судьба, любовь и счастье наше.

Омск. 20 августа 2001 г.

Г. Заволокину

Гармонь российская скорбит на полустанке,
Ее избранник в мир иной ушел...
Деревни, города, поселки, веси, страны
Грустят о том, кто песни был посол.

Но обрела Русь в соцветьях дня и красок
Ту музу, что не раз спасала дом...
Он космос новый из народных песен, плясок
Творил талантом, волей и трудом.

Заволокли Россию тучи и напасти,
Замолк на время у тальянки лад,
Геннадий был всегда лучом любви и счастья
И песней, что так красит жизни сад.

Июль 2001 г.

Моей России прозревать века
Свою особую судьбину,
А мне в мученьях истину искать
И знать, что без нее я сгину.

А если Родины не обрету,
То в сердце сохраню навечно
Ее просторы, неба красоту
И новогодней елки свечи...

Любимой смех и пенье петуха.
Стихи пророческие Блока
И чугунок, в нем варится уха,
И даль, что слышит голос Бога.

20.01.2002 г.

Мы отложим в сторонку дела
И теснее наш круг обозначим,
Если ложь нас с ума не свела -
На коней - и в атаку поскачем.

Будет ветер лицо обжигать
И наотмашь хлестать нас по скулам,
Будут яростно вновь отвергать
Сердце конника вражьи дула.

В стуче скачущих быстро копыт,
В нарастающем реве из глоток,
В блеске острых клинков позабыть
Кровоточащий след от колодок...

Позабыть бытовуху тех дней,
Где коварство чинов и начальства,
Где упреки жены и детей,
Где безумие пьянства, нахальство...

Чтобы страхи и смерть победить,
Нужно в схватке, паденьях и боли
Вдохновенно себя убедить
В первозданности божией воли

И в истоме смертельной упасть
На любимую стылую землю,
Вдох последний у жизни вобрать,
Причаститься, все в мире приемля.

Крест к губам пересохшим прижать,
Богу слово заветное молвить,
Застывающим взглядом принять
Неба синь и осеннее поле.

Октябрь 1997 г.

Зверь уходит в чащобу
Умирать в одиночку,
Не увидели чтобы
Ту тропу среди ночи.

Миг великий прощанья
И ухода из жизни,
С хрипом рвется дыханье,
Слезы с горечью виснут.

От тоски превеликой,
Угасанья и боли
Взгляд тускнеет, и блики
Света душу неволят.

Так и я на пределе
Свечку Богу поставлю
И покаюсь всем телом,
Всей душой... и привстану.

Крест любви сотворивши,
Попросивши прощенья,
Под небесною крышей
Буду ждать воскрешенья.

Я не дух Анатэма,
Я не зверь из берлоги...
Как прекрасны поэмы
О любви и о Боге,

О цветах и приливах,
Красках, звуках творенья,
О ручьях говорливых,
Огоньках, откровеньях,

О траве и деревьях,
Детях, запахах, звездах,
О душе, что издревле
Жаждет страстно и слезно.

О малиновом звоне,
Храме Божьем на солнце,
О дороге и склоне,
О домашнем оконце...

Разве все перечислишь,
Разве всех перелюбишь,
Разве верно оценишь,
Разве сыт этим будешь?

Вот итог! Его нету...
Есть конец, бесконечность,
Есть прозрачность и мета,
Есть попытка и вечность.

Ноябрь 1997 г..

РОССИИ

Она живет в ручьях и перелесках
И в семицветной радуге небес,
В фиалковых глазах, их влажном блеске,
И в сарафанах радостных невест.

В протяжных песнях, удалых и мощных,
Где столько широты и доброты...
И в переплясах, уханье гармошек,
В желании любви и правоты.

В закатах розовых, родных и грустных,
В ласкающих атаках ветерка,
О чем тоскует потрясенный узник,
Печалются под вечер берега...

О ком поют колокола? О Боге,
Он в нас и в небе, в море голубом,
В кадансах соловья, грачином слоге
И в том, чему название «Отчий Дом».

В дымках деревни, в красках Левитана,
В ершистых анекдотах и словах
Я узнаю твой дух, Россия! Тайно
Меня в дождях Ты будешь отпевать.

Но даже там, где красок нет и жизни,
Я прорасту цветами и травой,
Чтоб каждый странник твой и даже ближний
Любил Тебя, гордился бы Тобой.

Июнь 1996 г.

Ах, русская баня с березовым веником!
Ты царство. где властвует пар и вода...
Я буду всю жизнь твоим бардом и пленником.
Чтоб в теле играли с задором года.

На полке лежу, обмираю от жалости
К своим так беспомощным вдруг телесам,
И хлещет по ним вдохновенно и в ярости
Бухгалтер с Урала, дружок мой, Арам.

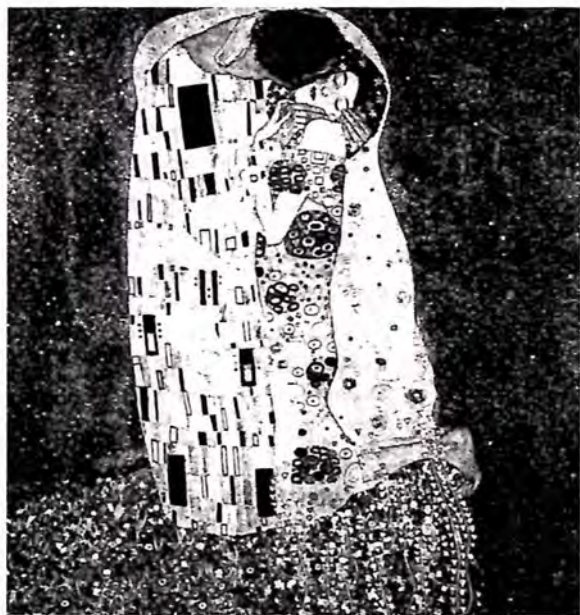
А рядом, стараясь с избытком и рвением,
Друг друга неистово драют мужи...
И нет у меня никакого сомнения,
Что скоро наступит восторг для души.

Не стану я этому счастью изменником,
Я чистый и розовый, вновь молодой...
Ах, русская баня с березовым веником,,
С беседой и квасом, закуской простой!

24 ноября 2002 г.

**РОССИЯ - СТЕПИ, РОССИЯ - ЛЕС,
РОССИЯ - РЕКИ, РОССИЯ - ЧЕСТЬ...
РОССИЯ - АНГЕЛ, РОССИЯ - БЕС,
РОССИЯ - ПЕСНЯ, РОССИЯ - ЕСТЬ!**

9.05.2002 Г.

ТАИНСТВА ЛЮБВИ

ТАИНСТВА ЛЮБВИ

Открой мне, Боже, таинство любви!
Я не достоин Твоего участия,
О совесть! Ты не мучь, а позови...
Как не дается искупление счастьем?

Я весь перед Тобой. Меня прости...
Я жалок, грешен, этого не скрою,
Но все болит душа. Ее спасти
Не так легко, как кажется порою.

В лесу растет пленительный цветок,
Но без тепла и света он хиреет.
Моя любовь - испуганный зверек,
Он в панике мятется и глупеет.

И обрекает сам себя на смерть,
В тупик загнав свое шестое чувство,
Любовь - ты сердца боль и круговерть,
Талант от Бога, истина, искусство!

Смотрю опять в любимые глаза,
Огромные и серо-голубые,
В них бездна неба, вешняя гроза,
Слеза, которая растопит глыбу.

Так что ж такое таинство любви?!
Ступенька восхождения в рай и к Богу?
Охотник. Синей птицы не лови,
Она не жертва, а прорыв в свободу.

Январь 1997 г.

Душа моя в тревоге мается,
Ей не понять восторг Творца,
Во тьме, бедняжка, спотыкается,
Начал не зная и конца.

Цветами звезды рассыпаются,
В полете яркий сноп комет,
А на земле любовь рождается,
А на земле не гаснет свет.

Стоят березы белоствольные,
Листва платочком машет нам,
С утра ее концерты сольные
На сердце нежный льют бальзам.

Но все блуждаем вперекосицу,
А жизни тают не по дням.
Скажи, душа, моя невольница,
За что я мучаюсь во снах.

Сжимает сердце болью колкою,
Не успокоюсь я никак,
И патиною в доме волглою
Накрыл нас крадущийся мрак.

Но не сдаюсь на бездорожии,
И разрываю боли круг,
И рвусь из тьмы к сиянью божьему
И к ласке материнских рук.

Откройся свыше. провидение!
Ведь путь мой с ворохом утрат...
Крылам любви и вдохновения
Позволь еще в душе взлетать.

Декабрь 1997 г.

В каких краях, в каком Отечестве
Я обрету свою судьбу?
Как все во мне мятется, мечется
И выливается в борьбу.

В борьбу предчувствий, страха, ревности
И неуверенности в том,
Что существуют зона Верности
И остров, что зовется Дом.

Кто есть она, моя избранница,
Та, для которой я Весна,
И неужели эта странница
Так не найдет в миру меня?

Но нет борьбы, а есть сомнение
В себе, в друзьях и в тех, кто мил.
Верни мне, Боже, вдохновение
И счастья творческого пыл!

И в редкие минуты горести
Тоску на клочья изорви...
И зазвучит вдруг в муках совести
Простой до слез мотив любви.

Июль 1999 г.

Музыка возникла из весенних ночек,
Щебетанья птичьего и цветущих почек...
Заглянул я с нежностью в девичьи глаза,
И внутри запели от счастья голоса.

Губы улыбнулись, и, как спелый колос,
Заискрился золотом у девчонки волос,
Заискрился золотом, заиграл, лучась,
В сердце робким стрепетом музыка влилась.

1960 г.

Я сторож ночной, охраняющий улицу детства,
Я ею взращен был с пеленок до судного дня...
Менялись названья ее и дома по соседству,
И парк городской одевался весной в зеленя.

Я помню сиреневый куст, что грустил на закате,
Он кланялся мне, весь в соцветьях и дивной красе,
Я девочку помню в цветастом и ярком наряде,
Которой, возможно, лишь место на божьем холсте.

Слышна «Рио-рита», мелодия века, и ретро,
В ней столько задора и нежности, страсти, мечты...
Слова заарканены в песню влюбленного ветра,
Что могут взлететь до причалов далекой звезды.

Я сторож ночной, охраняющий улицу сказок.
Где я повстречался впервые с любовью своей...
Теперь она канула в мир из иллюзий и масок.
Но как упоительно в этом театре теней!

14.04.2002 г.

Сбежала улочка к оврагу,
Шумел и пенился поток,
Как будто сил крутая брага
Его тащила на восток.

Акаций белый цвет струился,
Был воздух свеж и невесом,
Я к гордой девочке стремился,
И сердце билось в унисон.

Летел, летел на крыльях счастья,
Земли не чувствуя магнит,
С румянцем легким в одночасье
Желанная в дверях стоит.

Влюбленность? Да... И в ней безбрежно
Смешались поцелуй, мечта..
В коротком платьице надежды
Ты вся весна и красота!

Нам юных не вернуть восторгов,
Но благодарность жить в крови...
Давай уйдем от лжи и торга,
Чтоб не предать свой любви!

Февраль 1996 г.

Я вспоминаю ночи юности моей,
Крылатые слова и обморок сирени,
Черемухи душистой белое смирение
И грустный крик летящих к югу журавлей.

Березку во дворе. малины спелый куст.
Тропинку, что спускалась к берегу Ишима,
Свою растерянность... судьбу, что так незрима.
На шее девичьей соцветье ярких бус...

Признание в любви и теплый женский смех.
Кусты трещали от неопытных объятий.
Нам было восемнадцать... двадцать... И понятия,
По счастью, не имели, что такое грех...

Февраль 2002 г.

«БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО»

Ночь такая бездомная,
Вся из шорохов, звезд,
И плывет танго модное
Средь пылающих роз.

Аромат одуряющий,
Мне всего двадцать лет,
Вот какой впечатляющий
Нашей встречи сюжет.

Снова «Брызги шампанского» -
Моей юности свет,
Из былого, неясного
Мне верните билет!

Ты такая нарядная,
Маков мой первоцвет,
В платье ситцевом ладная,
Восхищенье и бред.

Я весь таю от музыки,
Опьяняюсь тобой,
Косы длинные, русые
И платок голубой.

Очи милые, страстные,
Как смеются они...
Очень нежные, разные,
В них горят огоньки.

Ритмы стонут нерусские,
Хоть люби, хоть пытай,
То томительно грустные,
То влекущие в рай.

Сердце в танце заходится,
Ох, со мною беда!
Но, наверное, водится.
На земле так всегда.

Я, любовью израненный,
На распутье времен,
Я тобой в назидание
Заарканен. пленен.

Ночь, истаяв, прощается,
Чуть алеет заря.
Танго, всхлипнув, кончается,
Жизнь прожита не зря.

Октябрь 1996 г.

И снова духота... И снова лето...
И с грустью тополя немотствуют в пыли,
И щурятся глаза от солнечного света,
И душу на допрос в подвалы повели.

Как распаленный зверь, оранжевое тело,
Ярясь по небу, медленно скользит,
И в щупальцы лучей вбирает мысли смело,
Когда же ветерком свободы засквозит?!

Орган небес мурлычет и вещает,
Мелодия любви рождается, звучит...
Но больно сердцу... Что же мне мешает
Билет в бессмертие от Бога получить?!

Май 1998 г.

Взмывают к небу языки огня,
Сгорают души в зареве пожарищ,
Игра идет не по закону дня,
И с пламенем теперь никак не сладишь.

Вдруг знаки появились в небесах,
Господь страницы вещие листает,
И дрянь тьмутараканьская в лесах
Из дыр, щелей свирепо вылезает.

Какого черта нужно этой тле?!
Дерьмо кругом, а жизнь без чистой тропки,
Дышать уж нечем на моей земле,
В удавке сердце бьется с болью топкой.

На тротуарах жухлая листва,
И ветер гулко залпами стреляет.
Какая воцарилась пустота,
Но все еще костер любви пылает!

1 октября 1997 г.

Пушистая елка
Расправила крылья для счастья,
В ней зелени столько,
Что нет и как будто ненастья.

В ней столько мороза,
Веселого духа застолья.
В ней тает угроза
Смолистою каплей настоя.

И звезды, танцуя,
Раскроют нам вещие знаки,
Секрет поцелуя,
Улыбки тепло в полумраке.

Спасибо зеленой
За свет, воссиявший, как прежде,
Моей опаленной
Судьбе - вифлеемской надежды!

Январь 1999 г.

Марку Шагалу

Над Витебском влюбленные парят,
Над старым Витебском влюбленные летают,
Коровы там пронзительно мычат,
Заборы серые тот город окружают.

Визгливо вдруг прорезался смычок,
Наигрывая такт мотива музыки брачной,
Стучит в сапожной в ритме молоток,
Старухи проклинаят все на свете смачно.

Селедки вонь и запах чеснока,
Лабазы для муки и чердаки для кошек.
Поэзия семейного горшка,
Которая знакома до нутра и дрожи.

Почти не слышен говор синагог,
Все дремлет и объято тяжкой властью быта,
Но крадется Иуда за порог,
За жалких тридцать грошей чья-то песня спета.

О, как неразворотлив этот мир
Традиций, древнего кагала и устоев,
Мир гетто, мир тоски и скуки пир,
Община без мадонн, поэтов и героев!

Над Витебском влюбленные парят,
На старым Витебском цветок любви витает,
Им дар свободы дан и нег обряд,
Им Марк Шагал рукой из вечности махает.

Июнь 1996 г.

Терновый куст, мне силу дай прозренья
И сотвори для музыки слова!
Я так косноязычен, я в смятенье,
Кружится от сомненья голова.

Не претендую на Ковчег Завета,
На десять истин, что живут в веках...
Но дай любви, чтоб песня стала спетой,
Вино в бокале вспенилось слегка.

Проснется день, задышит ветром нива,
Жизнь встрепетнется всюду и везде,
Росток пробьется, вновь заплачет ива,
Раскроется кувшинка на воде.

И соловей, сойдя с ума от страсти,
Зальется, оглашая мир лесной,
Забьется сердце от любви и счастья,
И засияет тусклый день земной.

Я не прошу у жизни облегченья,
Мне только вдохновенье дом родной,
Поэзия - души моей влечение,
И мне не надо участи иной.

Терновый куст, мне силу дай прощенья
И оброни для страждущих слова!
В тяжелый час измены и крушенья
Я обретаю на любовь права.

4 августа 2001 г.

МАРТ

Еще воскресенье не кончило бег,
А снег в переливчатой, мягкой опушке,
Мы снова с тобою, и прыгает смех,
Как солнечный зайчик в провалах подушки.

Ах, март! Приголубь красоту и любовь,
Пусть солнце к любимой неожиданно заглянет,
Пусть жить начинает восходами новь
Издравие в честь нашу с песнею грянет.

Весна наступает победно опять,
В полях зажурчали ручьи и потоки,
Улыбке все чаще меж нами сиять,
От горя остались лишь жалкие крохи.

Но боль вдруг стреляет предательски так,
Что вмиг цепенеешь, на сердце тревога,
А в милых глазах отражается страх,
Спасибо за это, моя недотрога!

Что дальше? А дальше курбеты планет,
Гул взрывов... и рвется космический пояс...
Как жутко, о Боже! Вручи нам билет
В созвездие вечности мчащийся поезд...

Чтоб запахи, краски, любви голоса
Запели с надеждой в последнем порыве
Про чудо и благо, моля небеса
О свете душевном, о счастье на крыльях.

Май 1996 г.

ЛЮДМИЛЕ :

Усну я ветром... ласковым и нежным,
Усну на час, а может, и на два,
Чтобы укрыть тебя восторгом снежным,
Чтоб в синеве звучал твой смех всегда...

Чтоб ты цвела, создам из солнца дождик
И радугу из слов и пестрых снов,
А из любви воздвигну счастья домик,
В нем будут тишина и сказки новь.

И это не во сне, мир явью дышит,
Ведь век так мал. Он - миг, и он - звезда.
Вся наша жизнь - предназначенье свыше,
В ней есть любовь, улыбка, боль, беда...

А на дворе весна, невеста в моде,
Ей так клицу подснежников наряд.
Ликуй, душа, и при плохой погоде,
И, сердце, возродись для песен и утрат!

В глазах твоих прекрасный бог сияет,
Вдруг все запело: «До...ре...ми...фа...соль...»
И в небесах прощально замирает
Твой голос, он любви святой посол.

Март 1993 г.

«Наступило Вербное воскресенье...»

У вербы набухли почки. Она в ожиданье рожденья
Зеленой листвы запашистой, надежда - не прошлый снег.
И все учащенное сердца восторженное биенье,
И все сумасшедшее стрелки по кругу любовный бег.

Природа - она вещунья, предчувствует зиму и холод,
Что вскоре нагрянет лето, черемуха дышит весной.
Но человек - вот загадка. Он древний запутанный город,
Вместилище тайн он и песня, тропинка в глуши лесной.

Какой ожидается вечер? Тихий, спокойный, вербный...
А может, с грозой и бурей, где души играют в молчок?
Признаюсь с улыбкой грустной, и Вы мне на миг поверьте -
Бег жизни не остановишь, хоть кончил крутиться волчок.

А в мире сияет солнце и радуют смехом дети,
Конечно, беды растают, на время исчезнут, дружок.
Как веет прохладой с поля в денечки апрельские эти
И катит под скрипку Вивальди беспечный любви возок!

Апрель 1997 г.

Одуванчики. одуванчики
Расшалились весной в раю.
Точно девочки, точно мальчики
Вновь затеяли чехарду.

Оттого опять в изумлении,
Что с цветами душой, с детьми...
День и ночь кружусь с упоением:
«Мою жертву, любовь, прими!»

Как дурманят сирень, черемуха.
Песню радости на... лови!
Но вонзилась в сердце без промаха
Золотая стрела любви.

Май 1997 г.

Л. Любушиной

Я растерян... Печаль раскрутила спираль.
Я подавлен... Мне горе мученье исторгло.
Расставанье с любимой - повергнутый рай.
Небывалой тоской перехвачено горло.

А внутри все пустыней безликой молчит,
И в тисках голова замирает от боли...
И все кажется мне, что вот-вот закричит
В нестерпимых страданиях притихшая воля.

Что же дальше? В раскрытую створку окна
Вдруг впорхнула голубка с небесной запруды...
И крылами шумит... и воркует она,
Это милой душа! Я ее не забуду...

24.05.1997 г.

Я потерял свою любимую
В глухих чашобах жизни трудной.
Я потерял... Но все ж незримую
Обрел надежду в час свой судный.

Она придет. И что-то сбудется.
А что? Не знаю спозаранку.
Забьется сердце. снова влюбится
День ясный в ночь-чужестранку.

И для меня звезда засветится
В моей сердечной глухомани.
Но только в счастье все не верится.
И в то, что мы любовью станем.

Январь 1999 г.

Заброшенный, одинокий
Лежал у дороги камень.
Всем видом делил тревогу
То с нами, а то не с нами.

Откуда же появился,
Никто не знал в одночасье...
Пришлый, он в теле родился
Звезды с отпылавшей страстью.

И лоно его исторгло
На землю чужим и стылым.
И с криком, пускай недолгим,
В нем боль замерла... и стихла.

Так жизни струна молчала,
И мхом вся душа покрылась,
А тело - любви начало,
С бесстрашьем холода свыклось.

Где нет отца - прозябанье,
Где матери - нет Отчизны.
Мы в мире всего лишь камни,
В которых так мало жизни,

В которых пребудет вечность
Вне нашей жажды и воли,
Зачем мне эта замшелость
И тяжесть без слез и боли?

Июнь 1997 г.

Упоительный шорох дождя
Мне сегодня о чем-то напомнил
И, сиренью тревожно дыша,
Ворошил мою душу, неволил.

А потом с туюском, без гроша,
Он по крышам весь день барабанил,
Как шаман, над костром ворожа,
То плясал, то шептал, то гнусавил.

И я вспомнил про нашу любовь,
Про вечерний закат и криницу,
Про журчащую музыку слов,
Утро раннее, в речке зарницу.

Про зеленый шатер до небес,
Где гуляют улыбки и смехи,
Где из радуги красок замес
Пейзажистам укор и помеха.

Ах, как голубь воркует в гнезде,
Белоснежкой своею доволен,
И бежит по земной борозде
Захмелевший ручей из неволи.

И не верится мне в этот день,
Что должник у безжалостной гостьи,
Что не будет грустить милой тень
На моем придорожном погосте.

8.01.1998 г.

Я живая мишень, я боль!
Подстрелила меня судьба.
Упаду подранком на дол
И услышу: «Ему труба...»

Где-то в небе погаснет свет,
То потухла моя звезда.
И на грани времен и лет
Засияет тьмой пустота.

В ней скопилось столько обид,
В ней злой умысел маеты,
Как сильнее души сравить
Тем безумьем земной суеты.

Но, поверив в грязный навет,
Вдруг увидит любовь в окне
Вифлеемской звездочки свет,
Что напомнит ей обо мне.

Декабрь 1998 г.

А мартовский прибой вот-вот наступит,
Взыграет бурно в жилах солнца хмель,
Зима с бессилья скалит в гневе зубы,
Обозначая времени раздел.

Снега на солнце голубеют слезно,
Их белизна на смерть обречена.
Весна грядет курьезно и серьезно,
В своей неотвратимости точна.

Она в победу верит безмятежно,
Всем посылая нежности лучи...
Как травы пробиваются прилежно
И вновь готовы зажурчать ручьи!

Разлука, как в лесу глухой валежник
Не то забвения, не то вражды...
А на поляне тянется подснежник
К рукам твоим, он вестник красоты.

Март 2001 г.

Л.П. ...

Русалочьи глаза, походка дивы.
Улыбка - солнце, талия - мечта.
А голос, будто скрипки переливы
Под нежными касаниями смычка.

Изгиб бедра, как у гитары божьей.
А грудь - холмы, что вьюга намела.
Идет - плывет... И не удержат вожжи
Того, кого она с ума свела.

В ней так природа царственно сияет.
Она для равнодушия палач.
Но все ж меня безмерно удивляет.
Что я лишь жертва, а она мой врач.

И раздирают глупые сомнения.
За что же я так падок на красу
Той женщины, возникшей из забвенья.
Или звезды, блуждающей в лесу.

Август 1997 г.

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

Л.П. ...

Звезда любви нам шлет с небес привет,
Победно запылав сквозь времени препоны.
Она - идущий в сердце яркий свет,
Восход зари, что золотит деревьев кроны.

Как чутко согревает солнце нас,
Как упителен последний месяц лета!
Прощай, мой друг, любви станцуем вальс.
И песенка моя совсем еще не спета.

Сентябрь 1997 г.

Подними соболью бровь,
Озари ресницами.
Мятежом, пожаром кровь,
Души к солнцу птицами.

Упаду я в просинь глаз.
Милых и таинственных,
Чтоб рождался в сердце сказ.
Светлый и порывистый.

Но ответа нет опять.
И тоска завьюжила...
Как легко любовь распать!
Ну а это нужно ли?

Апрель 2000 г.

***▲

Л.П.

Она ушла. Любовь всегда уходит
Неспешно, тихо, скрытно, невпопад.
Лишь память в закоулках где-то бродит,
И наступает ночью звездопад.

Тоска замкнула круг и обложила
Безвыходно, но где-то в глубине
Росток пробился радости, и смыло
Ту скуку безысходную во мне.

Я не забыл ее глаза и плечи
И музыкальный шен поворот.
Походку и звучащий издалече
Певучий и московский говорок.

Но снова появляется надежда.
Мелодия, как флейты голосок.
Смолкает вдруг внезапно и поспешно
И прячется в сердечный уголок.

Но повторится счастье или нет.
Ответит вряд ли даже сам поэт.

Женщина - ожившая гитара,
Струн души певучий говорок,
Что же смотришь, словно ждешь удара,
На разлукой меченный порог?

Час прощанья грянет несомненно,
Горя никому не пережить.
Лучше час признаний, откровенья
Нам в копилке памяти хранить.

Губы, тело так до ласк охочи,
Вся, любовью пьяная, горишь...
Но сквозь затуманенные очи
Страх за восторги не таишь.

Сентябрь 1998 г.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Посвящается З.Х. ...

Зовет опять любовь в поход,
У ней солдатом быть почетно.
Ласкает землю небосвод,
Его объятья искрометны.

Июль 2000 г.

Ты задорная в ласках, лихая,
Ты в любви весела и легка,
И за этот талант, дорогая,
Я тебя обожаю всегда.

Бросай меня. моя колдунья,
В пылающий любви костер!
Я в пепел превращусь. И сдунет
Меня в космический простор.

Ночь - таинственная шалунья.
Как она игрива, темна...
И мне кажется, в полнолунье
Ей дано вдохновить меня.

В ночь, июль 2000 г.

В золотых колосьях хлеба, в пересвистах злюки-ветра
И в медвяном зное полдня, истомившегося зря,
В птичьем щебете горлянок и птенцов, ходящих фертом,
Я услышу под волынку голос юный сентября.

Я услышу и постигну, я постигну и приемлю,
Я приемлю всею болью крики журавлиных стай,
Не отвергни в мире дольнем ты меня и эту землю,
Лучше нежностью и небом, лучше светом очищай.

Ну а если все замолкнет?! Холод, морок и бесстрастье...
И исчезнет в сердце песня, от безлюбья загрустив.
Женщина тогда похожа на суровое ненастье,
На поля без первых всходов и березу без листвы.

Только музыка прольется в стройных тактах менуэта,
И душа цветком взбодрится в травяной заре ковра,
Женщина в любви, поверьте, непогашенное лето,
В ней тепла и солнца столько, сколько света и добра.

Нет, не лестью и не ложью строчки эти людям дышат,
В них раздумья и сомненья, сокровенное, порыв...
Может быть, их с пониманьем и радушием услышат,
Вдруг в словесных закорюках сердца исповедь открыв.

Январь 1998 г.

3.X. ...

Я не ревнив, но я созвездье боли,
И одиночество гнетет меня...
Мне не поможет напряжение воли
И не спасет похмелье от вина...

Но чувствую, что вряд ли хуже будет,
А в будущем вверяюсь я судьбе...
Я та вина, которую не судят,
Я лишь звезда, поющая в тебе.

5.01.2002 г.

Как засияли вдруг глаза
Огромным пламенем участия,
И в город ворвалась гроза,
Кому-то обещая счастье.

Но только почему не мне,
Омытому дождем и солнцем?
А баловню вон в том окне,
Пускающему дыма кольца.

Я слышу музыку в саду,
А красота рублем убита.
Несет фортуна на лету
Одним дары, другим обиды.

Июнь 1999 г.

3.X. ...

Ты мое наваждение,
Сладкий плен и морока,
Ты мое вдохновение
И прозреньё до срока.

Я познал искушение
До конца и на годы,
Ты любви украшение
И загадка природы.

А еще наслаждение,
Поцелуй на рассвете,
Ты мое восхождение
И расплата за это.

И молю в изумлении,
Чтоб не кончилось это,
Чтоб тобой восхищение
Вдохновляло поэта.

Июнь 2001 г.

EROTIKOS

...Вы видели ее, мою звезду?
Очаровательна она на загляденье.
Все в ней один восторг и, может быть, смущенье.
Ах, как она походит на мечту!

Соски торчат... ну прямо волшебство,
А грудь вздымается, что волны океана.
Ей игрища любви и страстные пеаны
Нужнее, чем морали торжество.

Раскосые и милые зверьки
Так дразнят озорно. И, впрочем, не на шутку,
А время снова останавливает сутки,
Как вспыхнули желанья огоньки.

Соски твердеют под моей рукой,
Касаюсь шалунов так трепетно и нежно,
Их усмиряю лаской властно и прилежно,
Как будто электрической дугой.

Зрачки в тумане и ушли в закат,
А тело налилось вдруг сладостной истомой.
Ему важнее вздохи, всхлипы, крики, стоны,
И никаких не надобно наград.

Как взвешена любовная игра!
В ней обретает сердце время передышки
Воочию и въявь, всерьез, не понаслышке,
А чувств гроза - прекрасная пора.

Июль 1999 г.

3.X ...

Я тело твое целовал до утра.
Еще не очнулось оно ото сна.
Природа прекрасна в тебе и мудра,
Ты ласкам открыта, любовью полна.

Глаза приоткрылись как будто на миг,
И рот заалел, весь истомой дыша,
К ресницам губами я нежно приник...
О, как до безумия ты хороша!

А груди, как белые счастья холмы,
Ты - музыка счастья и свет для души,
Мне хочется петь от восторга псалмы,
Лаская глубинки в сердечной глуши.

Есть истина важная нашей любви,
Ее невозможно в словах передать,
Ее лишь почувствовать можно в груди
И каждое утро желать и встречать.

Июль 2000 г.

3.X ...

Летающая ко мне всегда на крыльях счастья,
Ты светишься любовью, ты - очарованье!
И на губах твоих улыбка и участие,
Как предвкушение сердечного признания.

И не устав в любви, где все не по указке,
Ты розовеешь от прилива чувств, свободы,
Прикрыв глаза свои ресницами из сказки,
Открыв все то, чем одарила нас природа.

Как божий храм в саду, твое прекрасно тело,
В нем целый мир восторга, вдохновенья, сердца...
И будто все в миру от радости запело,
И вновь цветы вернули нам цветы из детства.

Для нас опять пришел тот звездный миг прозренья,
Где сутки перешли на ритм галопа, скачки...
Мы любим! И не ждем сейчас пощады. Время,
А щедрым нет нужды в твоей скупой подачке.

Май 2001 г.

Я безутешен - мир смеется в корчах,
Я нем - кругом лишь гам стоит,
Я одинок - толпа глумиться хочет,
Достоинство бы сохранить...

Аккордеон весь в ритме и печали,
Танцую танго я с тобой,
Баркас любви уже давно отчалил,
Его уносит вдаль прибой.

Слагают ветры ямбы и хореи,
Сегодня всюду лист кружит,
Таинственно скрипят в дворах качели,
О, как мне хочется пожить!

Листвы полно... ее ковер пушистый
Так грустно под ногой шуршит,
И неба окаем от хмари чистый
Октавою в душе звучит.

Но где же ты, любимая? О, где ты?
Скорей откликнись, не таись...
Проснись, душа! Лучом согрейся света...
И жажда жизни возродись!

Сентябрь 1997 г.

З.Х. ...

Ты подарила мне не сон, а сказку
Из ласк, игры и озорства...
Как засияли снова жизни краски,
Улыбкой расцвели уста!

Но не было у сказки продолженья,
У наших будней горький стиль...
Ах, почему нас ангел возрожденья
Перстом любви не окрестил?!

Июль 2001 г.

И выплеснул Творец на землю теплый дождь,
Чтоб души высохшие ожили на время,
Чтоб сказкой расцвели сады, чтоб счастья дрожь
Нас пронизала властно, вылившись в поэмы.

Несу в себе с молчаньем уж не первый год
Грехов извоз и заблуждений тяжких бремя,
Помечен ими крепко человеческий род,
А я лишь только знак из скучной теоремы.

Но вот омыл меня желанной страсти дождь,
И сердце встрепенулось, музыке той внемля,
Душа раскрылась для любви, сметая ложь,
И правду обрела, как почву острый лемех.

Любимым быть хочу, с восторгом обожать
Ту красоту, что порождает в сердце смуту,
Которую забудем, как родную мать,
Но вспомним быстро вновь в предсмертные минуты.

30 августа 2001 г.

Голубой лоскуток от неба
С чуть стальным оттенком реки
Перемешан с запахом хлеба,
Всякой логике вопреки.

И еще ветерка касанье,
Что разбудит покой у ржи,
И ветвей в лесу колыханье...
Что за ним? Не молчи, скажи!

Только там, за полынным раздольем,
Убегающей вдаль степи,
Я увижу солнца застолье.
Жизнь в янтарных кубках любви!

И взыграет хмель в моих жилах,
И забьется сердце в груди...
Сколько ждал я желанных, милых,
Не пришедших на зов судьбы?!

Декабрь 1998 г.

Кольца с ляпис-лазурью
Ждут счастливой минуты.
В них сердечные бури,
В них блаженство и смуты.

В них то небо, то море,
Переливы и краски.
В них купаются зори
Без стыда и опаски.

И в восторге невеста
Их наденет на пальцы...
И закружимся вместе
В упоительном танце.

Мы все родом из детства,
И шепчу я невольно:
«Окольцуй мое сердце,
Окольцуй, сделай больно...»

Ну а танец в разгаре.
То ли явь, то ли снится...
И мне кажется, в паре
Я свободная птица.

Как кружу я в полете.
Как парю вдохновенно,
Вырастаю из плоти,
Вырываюсь из плена!

Но закончится сказка,
И мелодия стихнет.
Отпылают в нас краски.
Искра так и не вспыхнет.

З.Х. ...

Не предавай той музыки любви,
Что исцелит от жизненной пустыни,
Любовь одна, ее легко сгубить,
И растерять, как Бога благостынью.

Да, сложен мир. И давит жизнь на нас,
Что мы, вдруг погрузившись в хаос смутный,
Убьем в себе способность, и не раз,
Понять друг друга в частностях и суги.

А ты бесстрашна, как языческий божок,
И от напасти некуда мне деться...
Но как сидит на ножке сапожок,
Которым ты наступишь мне на сердце.

28 ноября 2001 г.

З.Х. ...

Золотистая опадь осенней поры
Уркаганом шныряет по улицам, скверам,
А закат вспоминает улыбку зари,
Подчиняясь желаниям сумерек серых.

В этом хаосе боли, прощанья, судьбы
Проступают черты наступающей нови.
Мне так худо... Я весь воплощение беды.
За большую любовь платят жизнью и кровью.

Я душою прорвусь сквозь предсмертную дрожь
К твоей памяти, к сердцу с любовным признаньем.
Может, что-то почувствуешь, что-то поймешь
И вздохнешь, обнимая другого с желаньем.

24.02.2002 г.

3.X. ...

Приди ко мне, я широко раскрою двери,
Дорожкой сердца выставлю твой путь.
Перед тобой смирятся гордой страсти звери,
Уйдут тихонько вглубь, не изменяя суть.

Лишь для тебя, прекрасной, нежной и далекой.
Я музыку создам старинных снов и слов,
Я преклоню себя, и в этом подоплека,
Чтоб ощутить биенье сердца и любовь.

И пусть тогда замрет на вечность стрелок время,
Пусть воцарится в нас из чувств больших звезда...
Любовь моя, ты воскресила счастья бремя
Желанного, что я готов нести всегда!

3.05.2002 г.

ТАЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Все оживают в памяти цветы:
Таежные, неяркие, простые...
Средь сосен первозданной красоты
Приветливые, скромные, родные.

Как нежен, тонок, свеж их аромат!
И не сравнить его с дыханьем юга.
Он запах счастья. Тот ему не брат,
Кому желанны ненависти выюги.

А жизнь швыряет оземь, невпопад.
Наносит раны жестко, часто, жутко...
В глазах твоих, и я безмерно рад,
Сияет свет прекрасный, милый, чуткий.

Прости меня, я просто сам не свой!
Во мне скрывается вулкан из страсти.
Слезой любви тревогу сердца смой
И сбереги улыбкой от напасти.

Опорой стану для твоей мечты.
А смерть придется только раз изведать.
Припомни, как поют в тайге цветы,
Поухают поцелуи на рассвете.

Ноябрь 1997 г.

3.X. ...

Пойми, прости, прощай...
Печальней нету слов.
Приподнят невзначай
Над вечностью покров.

Чтоб ввергнуть душу в ад,
Не нужно много бед...
Я чувствую - назад
Дороги нет и нет.

Я чувствую - палач
Ты, милая моя,
И есть ли в мире врач,
Что воскресит меня?!

24.01.2002 г.

Верни любовь, не нам ее судить,
Верни мечту, иначе горько станет...
Как жаль, что оборвется счастья нить,
Воочию расплата к нам нагрянет.

Упрямства из тебя мне не изжить,
Все думаю: откуда этот холод?
Но разве чувства можно затушить
И даже подавать к сомнению повод.

«Любить? Зачем же ... лучше все забыть», -
Щебечешь ты небрежно в раже птичьим...
Мне чашу боли предстоит испить,
Таков финал... и никакой здесь притчи.

13.05.2002 г.

«Не дай мне Бог сойти с ума...»

А.С. Пушкин

Торжествуют в мире боль и власть,
Завладели мною мрак и беды...
Ниточка любви оборвалась,
В этой жизни меньше стало света.

Сердце захотело песней жить
И проникнуться надеждой крепко,
Но судьба решила саван сшить
Из предательства, оно нередко.

Я тебя желал боготворить,
Из ребра создать, речного ила...
Сожалею, но не повторить
Той любви, что ты во мне родила.

Палачом ее легко так стать,
Нужно только фальшью пропитаться,
А потом в глаза бесстыдно лгать
Да еще вдогонку улыбаться.

3 августа 2001 г.

Осень - предвестье зимы,
Первенец сентября.
В поле курятся дымы,
В спазмах вздохи костра.

В свисте ветров не слышна
Вьюжная суть судьбы,
Неотвратима она
В белой фате любви.

Моросью колет крупа,
Воздух так свеж и чист!
Падает с неба, скорбя,
Осени ржавый лист.

-Боже! - молю. - Проясни,
Как в непогодь любить,
Как, уплывая во сны,
Истины не забыть...

Ноябрь 1998 г.

А время шествует вразвалку...
Ему, наверно, все равно.
Кого любить, кого на свалку,
Кого приветить не дано?

Душа, ты робкое дитя,
Едва набрав с утра разбег,
Трепещешь к стати и некстати.
А тело - в смерть! И кончен век.

Я тоже времени частица,
Я тоже выхожу в расход,
Я тоже жажду вольной птицей
Стремить себя в полет, в полет...

Расправив крылья в поднебесье,
Взглянуть и убедиться в том,
Что клен и тополь, мелколосье
Оберегают отчий дом.

Что есть покой и есть свобода,
Что есть любовь и есть простор,
Что краше будет год от года
Цветов и зелени ковер.

Но ты не будь высокомерной.
И равнодушьем не казни...
Я стану нежным, стану верным,
Я стану... только позови!

Сентябрь 1999 г.

Как неразумно тосковать
И гнать быстрее дни и зимы,
Разлуки время сокращать,
Свиданье приближать с любимой...

Как мы беспечны и глухи,
Загнали время до предела...
Кричим, как утром петухи,
Себя ведем на плаху смело.

Но если ощущать восторг
И вновь искать с любимой встречи.
Вступать с собой не надо в торг,
Не надо вновь себе перечить.

И неужели смысл сокрыт
В том, что рожден для умиранья,
Но лишь одно во мне звучит:
«Люби сильнее зорькой ранней!»
Март 2001 г.

В устрашающем реве машин,
Бесшабашно к смерти летящих,
В визге тормоза, пении шин
Вспыхнет в памяти свет слепящий.

Он из самых сокрытых низин,
Сокровенной тьмы подсознания,
Из аорт с кровью бурных стремнин.
Где все жаждет страстей, восстанья.

Мир разверзнется в бедном мозгу.
И артерии вновь в напряге,
Крик, зовущий в печаль и тоску,
Упадет, как камень, в овраги.

И на миг, озадачив меня,
Уходящего в боль прощанья.
Вдруг возникнет в преддверии сна
Крыл сиянье ... любви сиянье.
Июнь 1998 г.

Душа упорхнула в забвенья страну,
В ней царствуют мрак и молчанье,
Я жизни бокал невзначай оброну
В колодец бездонный страданья.

Но в этом паденье, где правит ничто,
Я вдруг обретаю начало...
Мне ангелы дружно подставят плечо,
Чтоб песня в душе зазвучала.

На крыльях желанья к тебе донесут,
Чтоб мог до конца повиниться...
Но ты мне устроишь безжалостный суд...
И что там костры инквизиций.

Я знаю, что в дикой сумятице дней,
Наверно, в тебе ошибался.
Я ждал, не дождавшись поддержки твоей,
И снова один оказался.

16 января 2002 г.

Я проиграл, но я не побежден,
Я одинок, но я поэт и странник...
Плывет по весям колокольный звон,
Он музыка из нашей глухомани.

В ней сруб на загляденье всем стоял,
В резьбе и петухах, с мычаньем на подворье,
Там огонек горел, плясал, пылал
И приглашал на щедрое застолье.

Но я давно лишился очага,
А дом... не мой, грустит в грязи и гнили...
Я рано превратился в дурака,
Но не из сказки, а из скверной были.

Любимая покинула меня,
Молвы боясь и слухов слишком едких...
Пускаюсь в путь я на восходе дня,
Меня согреет щедро солнце бедных.

2.01.2002 г.

Какие на окне узоры, блики...
Какая на стекле фантазия цветет!
Как будто в январе весенней книги
Явились знаки... и оставили нам код.

Загадочны те линии и краски,
Их сам Господь вчера с восторгом начертал.
Они с искусством новогодней сказки
Вдруг превратили келью во дворцовый зал.

Сияйте ж на окне моем узоры!
Один я нынче... и грущу, вокруг зима.
И вряд ли до весны растают горы
Из снега, холода, бесстрастья и ярма...

Не смог я разгадать судьбы кроссворды,
А это, видно, человеку не дано.
Но я люблю ... и потому не гордый,
И вновь во мне поет божественно вино.

3.01.2002 г.

З.Х.

Страданье и нежность друг с другом знакомы,
Зачем предрассудки нас вновь развели?
За радость любви расплатились мы комой
Тех чувств, что сердца наши вместе свели.

Не стану тебя укорять за бесстрастье,
Такое лишь женщин неумных удел,
Но память скорбит, вспоминая то счастье,
Что каждый из нас с вдохновением спел.

Сирень расцветала, и звезды звенели,
То солнце сияло, то дожди шли...
Мы встретились в этой весенней купели
И чудо восторга в любви обрели.

Апрель наступил - месяц полного счастья.
Он шумной весны рулевой, вестовой...
Любовь в нас вторгается редко, нечасто...
Что будет со мною? Что станет с тобой?

4.04.2002 г.

Появилась чуть видная метка
На овальном экране судьбы,
Мую жизнь закружило, как щепку,
В этом хаосе вечности, тьмы.

Я не чувствую, Боже, опоры.
Меня носит по бурным волнам,
Как хочу я забыться от вздора.
И скорее пристать к берегам...

К берегам, что зовутся любовью,
Где цветы и кипенье в крови.
Где не место вранью, суесловью,
Где поют до сих пор соловьи.

Пусть устал, умираю от жажды,
Но я знаю в преддверье беды.
Что случилось со мною однажды,
Что случится со мной впереди.
Июль 2001 г.

Обаянье ваших плеч,
Лебединой шеи пенье
Для любви дано сберечь
Вам в минуты наслажденья.

Как прерывист голос ваш!
Он в синкопах сердца, страсти...
Боже, в чувствах ералаш,
Я теперь весь в вашей власти.

Ваши томные глаза
Обещают море счастья,
И любовная лоза
Призывает к сопричастью.

Закружилась голова,
И ресницы опустились...
Дальше не нужны слова -
К нам сама любовь явилась.
5.05.2002 г.

Порою тоскливо до муки
От дней, что бегут и бегут,
Часов, заведенных до стука,
Отметивших к вечности путь.

Я помню в косынках березы,
Что парой стояли в яру,
Что им нипочем даже грозы
И то, что они на ветру.

Я с ними надолго обвенчан,
Я видел с обрыва реку
И домик с трубою извечной
На дальнем в дымке берегу.

Там девочка с именем Мила
Жила и на алой заре
На берег к реке выходила
С мечтой о любви и добре.

Как много с тех пор миновало
Хороших и тягостных лет...
Но что же со мною вдруг стало,
Что вспомнил тот домик, в нем свет...

Ту девочку с томиком Пруста,
Что ангелом пела во мне...
Увы, но теперь столько грусти,
И счастлив я только во сне.

11.05.2002 г.

У причала жизни человеческой
Смерть приходит, как туманы росные.
Все колдует холодом и нечистью,
Вспоминая шалости погостные.

Ты пойми меня, подруга трудная.
Нет, не лгал тебе я в жизни, бдениях,
Если лгал, чтоб радости минутные
Стали вечностью в твоём цветении.

И еще, пойми не в оправдание,
Ревность для меня - и боль, и вретища.
Ты ж была прекрасной в назидание
Всем инакомыслящим, неверящим.

Ну а мне осталось в час вечности
Мир вдохнуть в себя цветами, сполохом.
Сохранив один глоток для вечности,
Чтоб в земле не прахом стать, а порохом.
1967 г.

На нас изверглись лавою века,
В которых столько боли и неправды...
Возникло ощущение греха,
Что мы ему порою даже рады.

Как трудно жить аскетом и святым
И отгонять соблазны, искушенья,
От ладана вдыхая пряный дым,
Просить у Бога милостей, прощенья.

Но красота вдруг посещает нас,
И к черту тут любые воздаянья!
Обыденность становится подчас
Волшебной сказкой с птичьим щебетаньем.

Так мы на крыльях взмоем в небеса,
Преодолев земное притяженье.
Но это не заказ на чудеса,
А лишь любви божественной веленье.
8.04.2002 г.

Вдруг грянул ливень, нудный зазывала,
И накатила на меня тоска...
Я весь в хандре, что с наглостью фискала
В душе моей засела неспроста.

Сдавило сердце болью и печалью,
Оно, как камень, стонущий в груди...
Мне кажется, я умер... и отчалил
В тот край, где вечности хоть пруд пруди.

Бесстрастны звуки траурного марша:
То всхлипы труб и жалобы валторн,
Их ветер глушит с воем пса на барже,
Плывущей в ад, где правит всем Минор.

У Господа прошу тогда с надеждой,
Чтобы любовью вновь меня согрел...
Но все же не раскрыло небо вежды,
Чтоб я с улыбкой встретил дня задел.

29.08.2001 г.

Мне грустно и светло в июльский час вечерний,
Когда стремительно прошел по весям дождь...
Все всколыхнулось, задышало примиреньем,
И отступила вспять чудовищная ложь.

Я даже не ропщу на давние события,
Не слишком удивлен, что ты опять с другим...
Как много в мире истин пошлых и избитых,
Как мало красоты, гармонии и рифм!

2.08.2002 г.

Почему тоскую в воскресенье?!
Музыка гремит, бодрит вино...
Потому что Божье всепрощенье
Мне, пожалуй, свыше не дано.

У мороза цепкие ухватки,
Нагло щиплет всех и невпопад.
А на стеклах, будто на оградках,
Высыпает снежный звездопад.

И взмывает тонкою спиралью
К небу моя черная тоска.
Но стихом, светящимся из далей,
Снова возвращается она.

Ты в одних заботах и печали:
Плов томится, стирки целый ком.
От подруги муж вчера отчалил.
Как вернуть его обратно в дом?

А еще покупка шерсти. ситца.
И всю приходится хитрить.
Но зато Зюганов ночью снится.
Обещает цены опустить.

Я тебе не нужен в этом плане.
Небо - я, а ты кругом - земля.
Ты послушна, я же хулиганю.
Ты - с властями. непорядок - я.

Я не левый. вроде. и не правый.
Не центрист, марксист и уклонист.
Я в постели не вояка бравый.
И к тому же не играю в вист.

Я всего лишь тот, кто есть на свете.
Со своим вихром на голове,
Со своими мыслями в нагретом
Ненавистью неизбежном дне.

Мы с тобою разные, другие...
Но болит душа моя всегда.
Ах, глаза огромные какие,
И в лице такая красота!

Январь 2000 г.

Я огонь, запыхавший в тебе,
Я стихия из страсти и чувств,
Я звезды искрометной забег,
Я в саду расцветающий куст.

Твое сердце увлечь захотел,
Я искатель, поэт, книгочей...
Одиночество - вот мой удел,
Я не твой, я не наш, я ничей...

Ты загадка, а может, и вздор
Из сугроба, что жизнь намела...
Догорают вселенский костер,
Догораю, конечно, и я.

В миг последний искрой промелькну
И исчезну в бездонной ночи...
Ты не жди океана волну,
Он во мне глубоко опочил.

Нет огня - затушила его,
Нет стихии - смирилась она,
Без любви звезды гаснут легко,
А душа все тобою больна.

13-14.01.2002 г.

Что такое пейзаж без неба?
Это просто душа без света,
Это все, что лживо, нелепо,
Это год без весны и лета...

Нам бы краски неба приветить,
Нам бы Бога сердцем почуять,
Мне любимую все же встретить,
А иначе с тоски умру я...

Все, что станет обманным слогом,
Эгоизмом, черствостью, местью,
Равнодушием и подлогом,
Не благою, а черной вестью...

Я отвергну, но будет трудно,
В мире столько зла накопилось,
Что мое в пробоинах судно...
Не надеюсь на чью-то милость.

Света, света побольше дайте!
И еще любви, не изгнания...
Я прошу - в меня не вбивайте
Ржавый гвоздь из одних страданий!

31.01.2002 г.

Первый снег на дворе -
Царство свежести, света...
Первый снег в ноябре,
Как разлуки примета.

Он скрыл лета грехи
И любимой измену,
Он деревьев верхи
Разукрасил, как сцену.

Чтобы осень ушла
С ее смутой и грязью,
Он лишь взмахом крыла
Все одел белой вязью.

Подбодрить захотел
И, конечно, уважить,
Но опять не успел
И растаял от блажи.

Ноябрь 2001 г.

Снегопад - звездопад,
Ты не сон, ты, как жизнь, наяву...
Я отчаянно рад,
Что уносит меня в синеву,

В зимний сказочный град,
Где дышать, так морозной пургой,
Где до счастья подать
Не клюкой, а рукою-судьбой.

В мире этом терять
Довелось самых близких, родных...
И готов умирать
Я стократ и страдать вместо них.

З звездопад - снегопад,
Все дороги к любви занесло...
Но я верю в мой сад,
В дом над речкой и в дымке село.

Январь 1999 г.

Тридцать первое января.
Утро раннее. Снег на крышах...
И румянит лица заря
Тех, кто мчится вовсю на лыжах.

Парк старинный обрел мечту,
Он сегодня не лес, а сказка...
Опадает снег на лету
Тишиною, покоем, лаской.

Это чудо, друзья, зима,
Точно в мае яблонь восстанье,
И как будто вечность сама
Машет крыльями на прощанье.

Не забуду январский день,
Не забуду снежное утро,
Что взяло меня в белый плен
Навсегда... И как это мудро!

31 января - 2 февраля 2000 г.

Полозья по снегу несли меня к милой.
Ах, кони! Ах, кони, с хвостами и гривой!
Вы в беге стремительном радостно взмыли,
И, вняв просьбе сердца, взлетели на крыльях.

Лицо обжигает мне ветер до боли,
Линчует меня белоснежная вьюга.
Дай, Боже, мне больше терпенья и воли
В рисковом полете по стылой округе!

И пусть завывает от злобы и злости,
Завидуя мне, ледяное кружало,
Лечу я к любимой, лечу я не в гости,
Я жажду, чтоб сердце опять ликовало!

Увижу ее на высоком пороге...
Сияя глазами, улыбкою счастья,
Она - мой привал после тяжелой дороги,
Она - ясный день, что сменяет ненастье.

Меня и коней не удержат преграды,
Любовь нам дана, как восторга восстанье.
В ней жизнь обретает блаженство, отраду,
В ней наших страданий живет оправданье.

Октябрь 2000 г.

Как рвет мое дыхание
Ликующий мороз,
И я без упования,
И ты со мною врозь.

Он властный и холодный,
Безжалостный палач.
Хоть сердце на приводе,
Но все ж несется вскачь.

Я мог бы отогреться
В лучах твоей любви,
Но солнышку не спеться
С моею визави.

И, даже весь замерзнув,
Я не сдаю рубеж,
О, как целебен воздух,
Как холоден и свеж!

Опали жизни листья,
Ну а в душе гульба!
По озорному свистни,
Судьбинушка-судьба!

1997 г.

У лыж моего счастья
Нету скольженья давно,
Я ощущаю часто,
Что камнем иду на дно.

Я чувствую, что мерзну
В жаркие летние дни,
От скуки, тоски сохну,
Хоть хлещут взахлеб дожди.

Я сгораю от страсти
В самый жестокий мороз,
Я сдыхаю от счастья
И оживаю средь гроз.

Я смертен, и я вечен,
Я мшелый пень, я звезда...
Нас только любовь лечит,
Еще - на коне езда.

Наверное, я скроен
Из времени и огня,
Если не сгину в море,
То вынырну и со дна.

Июль 2001 г.

А Я ЛИШЬ СНЕГ...

Я шел по улице и вдруг увидел елку
В огнях, шарах, игрушках, конфетти...
Она красавицей нарядной в хвое колкой
Желала всем нам счастье обрести.

Тут захотелось мне стать чистым белым снегом,
Упасть с небес, чтоб грезить наяву.
И ощутить в себе опять восторг и негу
Тех чувств, что нас приблизят к божеству...

А я бы лег на сердце тающей снежинкой,
А я бы разбудил желание любить...
Ведь счастлив только тот, кому вся жизнь в новинку,
А я лишь снег, которому не быть.

Но в миг, когда мне станет радостно и просто,
Когда у всех глаза навеселе...
Любимая пройдет по мне, ступая жестко,
И скрипну я... и растворюсь во мгле.

Ноябрь 2001 г.

Зябко телу и горько душе,
Слишком много вранья и подножек.
Ах, художник рокайля Буше,
Подари пасторальный мне дождик!

Чтоб пролился на землю в цвету
Женским телом, дрожащим от счастья,
Алой розой, растущей в саду,
И дельфином, взлетающим властно.

То сверканием крыл стрекозы,
Купидоном с колчаном и луком,
То волною морской бирюзы
И таинственным раковин звуком...

То разливом зари и звездой,
От которой душа замирает,
Соловиною трелью простой,
Что в лесу день и ночь не смолкает.

Верю я, что призванье холста -
Не обман и причуды искусства,
А возвышенная красота,
Интегральная нашего чувства.

Июнь 1999 г.

3.Х. ...

Священная обязанность любви -
Отдать всего себя ответной страсти,
Нам жизнь дала возможность испкупить
Постыдный холод ссор и безучастья.

Ты смотришь на меня, и я в огне,
Смущаюсь, вспыхнув, тихо пламенею...
Хочу сдержать себя, но тут извне
Вторгается судьба и песня с нею.

Она еще на подступах ко мне.
Но вдруг пронзительно запела скрипка,
В душе моей родилась не во сне
Мелодия, возникшая из всхлипа.

Какая музыка в твоих глазах,
Какие блики на твоих ресницах,
И как цветет улыбка на устах -
В них счастья восходящая зарница.

Я весь охвачен нежностью, виной,
Я трепещу в безумье и восторге...
И вновь признаюсь лишь тебе одной,
Какую ты любовь во мне исторгла.

Я рад пылать и вновь себя губить
В огне любви, тебя он тоже гложет.
Гори, пылай, ристалище любви!
И вряд ли кто тебя разжечь так сможет.

Сентябрь 2001 г.

Горит свеча...
Как тает жизни воск!
Гоню печаль,
Но жизнь - труднейший кросс.

В бегах всегда,
Уходят ноги в грязь.
Моя судьба,
Что явь, не задалась.

Моя звезда
То гаснет, то замрет.
Судьба, судьба!
А дел неупорот.

И рифм весна
Уж не рождает стих.
Задохся я,
И сердца стук утих.

В плену у сна
В провал упал, забыл...
Утешь меня!
Мне мало, что я был.

Но не взлечу,
Как в небо самолет.
Любить хочу,
А сердце колет, жмет...

Но верю ей,
Владычице сердец,
Она скорбей
И радостей творец.

Поэзия -
Любовь, а не балласт.
Поэзия
Не бросит, не предаст!

Ноябрь 1998 г.

Накрапывал дождик, и в гости
Спешил, словно счастья искал.
Он к сердцу из нежности мостик
С усердьем большим пролагал.

Нам что-то мешало до боли,
Я мучился и возражал...
Как будто в плену у неволи
Вслепую свободы искал.

И вдруг наступило прозрение:
Я должен омыться дождем,
Забыв про бесславье измены,
Вернуться в родительский дом...

Согреться за чашкою чая,
Неспешный ведя разговор,
Заслуги друзей отмечая,
Забыть про обиды и вздор...

Не сеять в душе возмущенья,
Ведь много еще предстоит
Ошибок, падений, свершений,
Чтоб кубок любви осушить...

Понять, что гармония лада
Прописана свыше Творцом,
И будет на сердце отрада,
Когда песню песней споем.

Июль 2002 г.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОЗАИКА

Судьбы поразительны виды,
Затерян их в вечности след.
На арфах поют аониды
Про счастья безумный билет.

Его я не вытяну просто,
Безвольный и робкий игрок.
Свисают янтарные грозди,
Хмельного сатира должок.

Напрасно надежда стучится
В груди, что не знает побед,
Но вспышкой любви озарится
Поэзии благостный свет.

Декабрь 1998 г.

АРГОНАВТЫ

Мы уходим в напевы ветра,
В шорох трав, от себя далеки.
Может, так отплывали с верой
В золотое руно моряки.

На зеленой и вновь цветущей
От глубинной работы земле
Ворожили пеньем их души
Златокудрые девы мелей.

А потом миражи и встречи,
Изнурительный в горы поход...
Не дошли до руна, и кречет
Криком траурным праздновал год.

Как же счастье добыть непросто,
Как от горя забыться, уснуть!
На холмах лишь одни погосты,
Наш последний в бессмертие путь.

1962 г.

АФРОДИТА

Она из пены волн морских явилась,
Божественной сияя наготой...
Как золото волос ее струилось,
Всех изумляя дивной красотой!

А на бедре округлом, розоватом
Стекала капля из морских глубин,
И треугольник пламенного сада
Притягивал к себе и звал к любви.

На раковине по волнам лазурным,
Под звуки труб, что всех с ума свели,
Тритоны, возбудившись страстью бурной,
Ее к пескам прибрежным увлекли.

Тот остров назывался Кифереей,
Зефиры веяли, смиряя жар,
И кипарис стремился к райским сферам,
Восторженно вдыхая неба дар.

Цветы дышали и томились негой...
Осад любви! Свирели пели гимн,
И облака казались белым снегом,
То Эрос был, и имя ему «жизнь».

Не зря Диона с Зевсом страстно слиты,
Их плод любви нам светит из времен,
Рожденная из пены Афродита,
Любимица у множества племен.

Пора богов, что дым тысячелетий,
Мы вязнем в скуке быта, суете...
Нет Афродиты. Есть лишь блуд и сплетни,
И кровь тоскует вновь по красоте.

Октябрь 1996 г.

АПОЛЛОН И ДАФНА

Я Аполлон, бог света и искусства,
Я Феб, который в Дафну юную влюблен,
Я испытал накал великой грусти,
Что вновь исторгла из меня тяжелый стон.

Я претворил его в любви признание
К тебе, моя золотокудрая краса,
Похож на истукана изваянье,
Из глаз которого стекает вниз слеза.

Мне не понять, о дочь речного бога,
Зачем бежишь в испуге быстро от меня,
И почему боишься, недотрога,
И неужели будешь, как всегда, одна?

Ты обернулась в лавр вечнозеленый,
Чтобы уйти от ласк настойчивых моих,
Настиг тебя, пылаю весь влюбленный,
Но ты лишь дерево средь шашней ветровых.

С тех пор лелею лавр в саду извечном,
Он мне напоминает дни любви моей,
А боль то в сердце, то уходит в млечность,
Но ненадолго... чтобы стать еще сильнеей.

23.02.2002 г.

СИВИЛЛА

*«...первой сивиллой стала Герофила,
получившая вещий дар от Аполлона. Она
попросила у влюбленного в нее бога
долголетия... но позабыла о вечной молодости
и чуть не весь свой долгий век провела древней
старухой».*

Из мифологических источников

С треножника курится в небо дым.
Кружится голова от ароматов странных,
Танцует женщина - из очень молодых,
Красой своей любого в сердце ранит.

Но все сильнее мечется она,
В экстазе тело исступленно бьется,
И падает, как будто бы мертва,
И кажется, что больше не очнется.

Но вот глаза решилась приоткрыть,
В них страсть, безумие... Как это дико!
И начинает вдруг отрывисто вопить
И проричать, как праведница Дика.

Когда в нее влюбился Аполлон
За красоту и танца дар весенний,
Он к жрице захотел пойти в полон
И наградил на тыщу лет прозреньем.

Но память подвела ее в одном:
О молодости вечной позабыла,
И стала вся прелестница потом
Старухой дряхлой с именем Сивилла.

Предсказано в веках и сбудется беда:
Паденье Трои и позор Эллады,
Пожар Везувия, и Рима ворота
Раскроются для варваров из ада.

Их было девять - старых, мудрых книг,
Осталось три, конечно же, не больше,
Сивиллин дар от времени не сник.
А жить становится все горше.

Ноябрь 1996 г.

ЕЛЕНА

Елена, ты Париса не пленяй,
Краса твоя непобедима.
Искус велик, а после не пеняй,
Дороги неисповедимы.

Но слепо страсть в заложницы берет
Жену спартанца Менелая...
Как молит взгляд, в улыбке жадный рот,
Утехи обещающая рая.

И не сдержать в узде любовных мук
Царевичу из славной Трои.
Все громче раздается сердца стук...
Их стало двое, а не трое.

Скрываются потом на корабле
Под всплески весел многоструйных,
На море их союз, а не на дне...
Как сладки ночи в новолунье!

Им снова Афродита помогла,
Доставив судно прямо в Трою...
А дальше - гнев и долгая война,
Расплата за любовь - не скрою.

Мы тоже платим за свою любовь,
Не вырвавшись из быта плена.
Но как звучит из глубины веков
Любовный вздох моей Елены.

Май 2000 г.

МОНОЛОГ ОДИССЕЯ

Я - Одиссей. скиталец и бродяга,
Вояка, плут, любовник и герой.
Заматерел я в разных передрягах,
Чтоб в них услышать зов судьбы иной.

Я открывал таинственные страны,
Влюблялся в обольстительных Цирцей...
И заживали, зарастали раны...
Вновь оживали голоса друзей.

Я дальше плыл, весь в поисках, тревоге,
Я плыл... и слушал пение сирен,
Я нищим стал, чтоб встретить на пороге
Родного сына средь домашних стен.

В последний раз, пылая страшным гневом,
Я женихов супруги перебил...
И вновь, залюбовавшись синим небом,
Просил у Бога, чтоб меня простил.

Теперь я старец-царь в моей Итаке,
Измена Пенелопы не страшна.
Люблю я внуков, деток Телемака,
И стал покой в душе дороже дня.

Но сон глубокий отлетает, тая,
Я слышу - в гости к нам идет весна.
Вновь вызов шлет судьба... и Навзикая
Смеется и приветствует меня.

Апрель 2001 г.

Романтик лихолетья,
Я выпал из эпохи.
По мне гуляли плети
И марксовские блохи.

Мы большей частью люди,
Покинувшие Бога,
Поклонники Иуды,
Христопродавцы с торга.

Мы - жаждущие денег,
Бессмысленного блуда...
Нам зависть к лучшим - берег,
Святилище нам - брюхо.

Во имя вражьей силы
Всегда губили, лгали,
На ближних доносили,
На Беса уповали

С лукавым фанатизмом
И темнотою стада,
С его картавым визгом,
С усатым горцем ада.

Настроили бараки
Из ржавчины колючей,
И водкой нас, баранов,
Охмурили покруче.

Итог закономерен:
Внутри тоска, отрав...
В одном лишь я уверен:
Неистребима правда!

Июль 1997 г.

А.С. Грину

Ты вошел потоком сновидений,
Как желанный гость, в мой дом родной.
Пилигрим добра и скромный гений,
Очень рад, что ты опять со мной.

На волнах, грозою возбужденных,
Где цветет морская бирюза,
Вновь увижу дерзких и влюбленных,
Алые от счастья паруса.

На земле древней, чем наша эра,
Ты пошел дорогой в Никуда,
И вела тебя такая вера,
Что сильнее смерти и суда.

1962 г.

Павлу Васильеву

Полог неба синий- пресиний,
В нем пылает из звезд рушник,
С песней русской Павел Васильев
Из провала времен возник.

Из озер, камышей Зайсана
И бревенчатой старины,
Из степных стремнин Казахстана
Русокудрый поэт страны.

В нем такая любовь и жажда
Родниковой свежести слов,
Что так ярко, призывно, сжато
К нам приходят из царства снов.

Пусть палач в гимнастике, ромбах
Топчет тело, на пытки скор,
Есть таланта высшая проба,
Чашу смерти испить - не позор.

Павлодар - город дня и света,
Ястребиного взмаха крыл,
Дар святого и дар поэта,
Что так яростно жизнь любил.

Астана, вокзал, 2 декабря 1999 г.

НОВАЯ АТЛАНТИДА

*«В один злой день, в одну злую ночь остров
Атлантида, погружившись в море, исчез».*

Платон. «Тимей»

Наш мир исчезнет, как когда-то Атлантида,
Под звуки эха гулко и гром...
Накроют волны моря мраморные плиты,
Мощь небоскребов, скверы, детства дом...

Так все провалится в безмолвие и тайну
И спрячется на дно, уйдет в излом
Морских расщелин, впадин... И не перестану
Я удивляться этому уму.

А водоросли ласково коснутся тела,
И мутный сумрак дна не станет днем,
Лишь крохотки из слов моих, созвучий смелых,
Всплывут соцветьем терпких идиом.

И аромат тяжелый, йодистый и крепкий
Мне станет ноздри нежно щекотать,
В душе рождая память о стране и трепет.
Где нас никто уже не будет ждать.

Ноябрь 1999 г.

«Кружевом, камень, будь...»

Осип Мандельштам

Готический собор, игра теней и света,
Готический собор, ты к Богу обращен...
Ты та стрела любви, что славит час победы,
И я тобой на самом деле восхищен.

Какие краски, блики, отблески, узоры,
Как витражи пылают, светят и влекут!
Как будто на земле утихли все раздоры,
И шпиль рукою дерзкой гладит неба грудь.

Взлетает птицей алы, он обращенье к весям,
Он для души отрада - не дорога в ад,
Пусть уползают в мрак химеры, твари, бесы,
Ведь истина одна - ей имя «Божий град».

Мария, мать Божья, только умоляю,
Нас, грешных, осени сиянием любви,
Чтоб родиною стали розовые дали,
Надеждой одари и светочем судьбы!

31.03.2002 г.

Мария в небесах торжественно идет,
Мария в облаках сияющих шагает,
И на руках ее Христос чего-то ждет,
Свое грядущее как будто прозревает.

Ему зажгу свечу. Пусть светит аналой.
Какое небо свыше чудно голубое!
И, словно ризою, одело мир Земной,
Цветок опять раскрылся, движимый любовью.

Но впереди искусы, предательство, обман,
Друзей сочувствие и недругов проклятье,
И не испытать Христу людских страданий, ран,
Какой бы сильной ни явилась миру клятва.

О Гефсиманский сад и тернии венца,
Пылает в бликах молний адская Голгофа,
О дай скорей нам, смерть, прощение Отца,
И счастье принеси, истертая подкова!

Куда же милая и нежная идет...
Кому сейчас младенца в жертву предлагает?!
О нет, не сознает... Постой... Вернись домой...
Босой в бессмертие уверенно вступает!

Август 1996 г.

ПОНТИЙ ПИЛАТ

Я Иудеи прокуратор,
Небезызвестный всем Пилат,
И под моим началом ратным
Когорты римские солдат.

Люблю величие, порядок,
Я подавлю любой мятеж,
Моим приказам вряд ли рады,
Но не пробить в твердыне брешь.

Как ненавижу иудеев,
Их говор, подлость и подвох!
Пророка, радуясь, воздели
На крест, а был он, видно, Бог...

Кричали бедняку: «Осанна!»
Потом: «Каменьями его!»
Толпа вела прескверно, странно,
Не жди от стада ничего.

Боюсь я твоего каприза,
Тиберий, кесарь славный мой!
И от дворца до рабства близко,
А с площади несется вой.

Прокула, милая супруга,
Не уберег я Честь, Христа!
Я просто умываю руки...
Я трус, и совесть не чиста.

Как прав гугнивый Каиафа!
Я лишь чиновник, человек,
Но совесть не спасешь от краха,
Позор на мне теперь навек!

26 августа 1996 г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЮЖЕТ

«Жил на свете рыцарь бедный».

А. Пушкин

На старинном гобелене
Вышит райский сад,
В нем косули и олени
Бродят, говорят...

Птицы певчие летают,
Заяц травы мнет,
Тени сказочные тают,
Жимолость цветет.

Дама важно восседает,
Плащ до самых пят,
Руку с сердцем предлагает
Рыцарь ей опять.

Сердце тайну жизни знает
Смерти вопреки,
Сердце кровью истекает,
Рвется из груди.

Но она, как ангел снежный,
Вся бела, чиста...
Равнодушна и безгрешна,
Холоднее льда.

Лоб, что мраморная вила,
А в глазах звезда,
И улыбкой херувима
Расцвели уста.

Бедный рыцарь, не старайся!
Мир - для дураков,
Им дворцы, богатства, сласти,
Что для них любовь?

И главенствуют на свете
Холод чувств, беда...
Как разбито, рыцарь, этим
Сердце навсегда!

Июль 2001 г.

ПОПЫТКА БАЛЛАДЫ

В смятении тревожится душа,
Колотится в груди безумно сердце,
Лист рдяно-рыжий падает, кружа,
Вернулся в замок издалече герцог.

Он едет на коне, доспехами брэнча,
Он так устал от ран и стычек бранных,
Ведь только в снах немотствует война,
А зов судьбы сильнее в душе Бертрана.

От бойниц веет сединою прошлых лет,
Оделись стены шрамами ранений.
Покрыла ржа все цепи на мосту! И след
Ко рву растаял в мгле хитросплетений.

Спешился, постоял... и двинулся вперед
По гулким плитам, где звенело детство...
Безмолвие крутом. И мрачный замка свод
Его влечет, как в годы малолетства.

Исчезли дворня, слуги, мать, отец...
И почему пустуют замка залы?
И неужели он судьбы слепой истец,
И жизни бег в бессмертие изгнали?

Не встретит в золоте приветливо жена,
Сияя щедрой, радостной улыбкой...
Где кубки, полные рубина и вина,
Где дети милые? Вдруг слышит всхлипы...

Он смотрит с удивленьем... И в одном углу
Согбенную фигуру замечает,
Жозефа, старого и верного слугу,
Который с горя безутешно плачет.

Случилось что-нибудь?! Жозеф, быстрее ответь! -
Но плач не прерывается покорный,
И рыцарь узнает, что въедливая смерть
С его отъездом в дом ворвалась вскоре.

Не пожалела возраста, заслуг отца,
Потом и мать зачала от потери.
А замок их - добыча хама, подтеца...
О, как скрипят тоской и болью двери!

За гроб Господний бился - не его вина,
Что жертвой стал коварного соседа,
В наложницах теперь любимая жена,
А дети от небес все ждут ответа...

И ненависть зажглась в стальных его глазах,
Он побледнел от гнева, возмущенья...
Усталости как нет. И на судьбы весах
Суд праведный. И нет Руа прощенья!

Садится снова на могучего коня
И гонит рысью, где расплаты место...
И ждет в засаде, нетерпение гоня,
И не уйти Иуде от возмездья!

Лишь появился вскоре мерзостный Руа,
Пришпорил скакуна навстречу герцог
И с кличем яростным и злым: «Убью врага!»
Пронзил копьем прелюбодея сердце.

А дальше весь рассказ - мгновение из сна,
Ушел в монахи герцог наш и мститель,
Жена исчезла от позора среди дня,
Детей взяла в приют святых обитель.

Март 1998 г.

*«Места этого, братья, не покидайте никогда:
свято оно!»*

Франциск Ассизский

Бабочка с холста Джентиле
Над цветами не спеша
Все порхает вольным стилем.
Будто с крыльями душа.

Не моя, так, верно, ваша...
До чего же хороша!
Не найдешь, наверно, краше.
Травы с луга вороша.

И растет в душистом поле
Неприметный стебелек.
Превращаясь вдруг на воле
В дикий голубой цветок.

А кругом такое пенье
И, от счастья вереща,
Села на него дуэнья,
Крыльями вся трепеща.

Тут святой Франциск шагает
По некошеной траве.
Руки с верою слагает,
Молит Бога о вдове...

Об увечных, сирых, малых...
Мир для них и так жесток.
Для которых в божьих далях
Загорается восток.

Ave, Ave! Alter ego... *
Мне верни мою страну.
Где так любят человека
И не верят в сатану!

Апрель 2000 г.

* Ave, Ave! Alter ego...(лат.) - Здравствуй, привет тебе!
Другой я...

*«... Венеру осыпают цветами Грации,
возвещая появление Весны».*
Джорджо Вазари

Как чувства онемели,
И я хочу Весны...
Художник Боттичелли
Мне возвращает сны.

Пылают негой краски,
В них столько чистоты!
И оживают маски
В том царстве красоты.

Воздушно на лужайке
Три грации парят,
И мило, без утайки,
О чувствах говорят.

А юной Флоры взгляды,
Смущая, в плен берут.
Из трав ее наряды,
Что так сердца влекут.

Всех краше Примавера -
Любовь, тепло, цветы,
И укрощает зверя
Она без маеты...

Взлетают вверх качели,
И ландыши в соку.
Художник Боттичелли,
Убей мою тоску!

Июнь 1999 г.

ЛЕОНАРДО

*«Поистине дивным и небесным был Леонардо,
сын сэра Пьеро из Винчи».
Джорджо Вазари*

У тайны нет начала, нет конца.
У Леонардо есть еще искусство.
И в замысле божественном Творца
Жизнь обретает вечность не без грусти.

Он так красив, задумчив, одинок...
Завидуют ему, его повадке...
Он тайна, что послал на землю Бог,
И нам не разгадать его загадки.

Улыбка Джиоконды на устах
И на губах молоденькой Мадонны
Опровергает времени устав,
Не зная разрушения законы.

На нас победно смотрит красота.
Прелестный взор и плавность томной шеи.
Она желаннее, чем доброта,
Чем в сказках детства подношенья феи.

О, как пытлив у Леонардо взгляд.
У славного седого флорентийца.
Как будто бы душа заглядывает в ад,
И сколько будет эта мука длиться?!

Апрель 2000 г.

МОНОЛОГ ЛОДОВИКО СФОРЦА ПО ПРОЗВИЩУ «МАВР»

Я обласкан весенним солнцем,
Я пригрелся в лучах его,
Я из рода славного Сфорца,
Что в Милане правит давно.

Я купался в золоте адском,
Женщин уйма возле меня,
Но, увы, любят больше богатство
И рубин в бокале вина.

Их тела на бархате красном
Я узорным хлестал кнутом,
Крики тут звучали напрасно,
Не услышит вокруг никто.

Ох, смазливые эти бабенки,
Потешавшие плоть и глаз.
Им на грудь бросал не деньжонки,
А фальшивый чаще алмаз.

Как тогда они ворковали,
Боль готовы снести, позор...
Губы в дых, глаза расцветали,
Рук и ног сплетался узор.

Я грехи замолить желаю,
Как закончу опять войну.
Церковь Vita Nuova, знаю,
Я воздвигну в эту весну.

Поручу Леонардо роспись
Про последний ужин с Христом,
Пусть апостолы верят в доблесть
Иисуса на вечере том.

Почему покупать за деньги
Можно все, в том числе красоту?
Почему алмазы и серьги -
Путь в небесную высоту?

Но французам войну бесславно
Проиграл. И сижу в плену.
А без герцогства и Милана
Все сильнее тянет ко сну...

О Чечилия Галлерани...
Беатриче - моя жена!
Я в темнице в дерьме и рвани,
Впереди только смерть одна!

Апрель 2000 г.

.

ЛОЙОЛА

Звучала сладостно виола,
Мадрид готовился заснуть,
Но бдит Игнасио Лойола
И страхом, кровью метит путь.

В нем злоба, ненависть и беды,
Страсть к пыткам, к мраку в небесах.
И не понять Христа заветы,
Его любви ко всем и вся!

С козлиной рыжею бородкой.
Фанат, ревнитель и солдат,
Вождем из будущего сродный,
И лысиной кому-то брат.

Он инквизиции создатель,
Поэт террора и палач,
Страданий горестных ваятель,
Любитель слушать женский плач.

Как правотой горел бесовской,
Глаза сверкали, углем жгли,
Кровавой ниточкой неброской
Кривился рот, чтоб гнев излить.

Костры в Европе запыхали
Надолго в лестнице веков,
И крики боли заглушали
Хоралы храмовых певцов.

Нет веры, где святое зверство
Вне человека и любви...
О жизнь! Сколько мук и бедствий...
Спаси меня... И позови!

Февраль 1997 г.

КАЗАНОВА

Казанова - высокий и статный,
Он - синьор, он речист, он учтив,
И в могучей груди волосатой
Сатанинское сердце стучит.

Его сила - в руках богатырских,
В кулаке, что пушинкой держал
Жен, девиц с их восторгом и писком.
Чья душа упорхнула в бедлам.

Сочетанье жестокости мощной
С беспредельной игрою ума,
А в любовных делах - сила поршня
С прытью буйвола, что без ярма.

Он умел быть сердечным и милым,
Плоти женской, как Богу, служил...
И поэтому славу кумира
И бессмертье от жен получил.

На словах так верны, непорочны,
Ночью в снах Казанову зовут,
Стонут в муках желанья и срочно
Вновь ему сверхосанну поют.

Бес попутал их тут не напрасно.
Так и мечется женщина вновь
То Марией, святой и прекрасной,
То Марией в грехе с сатаной.

И не нам разгадать ту загадку,
Ту игру из обмана, огня...
Из инстинктов и истины сладкой.
Из кокетства, притворства и сна.

Октябрь 1996 г.

МОНОЛОГ КАВАЛЕРА ДЕ ГРИЁ

Прелестница моя Манон,
Я раб твой пылкий.
А у любви один закон -
Ласкать, но с пыткой.

Готов я голову свою
Нести на плаху,
Все только поцелуя жду,
Как небо птаху.

Я кавалер, я де Гриё,
Клубок из страсти.
Я твой, Манон, мне бес в ребро,
Любовь моя и счастье!

В интригах, в каверзной судьбе,
В сумбуре чувства
Схожу с ума я по тебе
Через безумства.

Утешь меня и приласкай,
Я в лихорадке.
Твержу себе: «Не умирай
От пытки сладкой...»

Ты ангел, но и сатана,
Ты обольщение!
И красота тебе дана
Для искушенья.

Декабрь 2000 г.

МОЦАРТ

*«Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!»*

А. Блок

Маэстро... клавесин и кипа свежих нот.
Пленителен шалун из дамского алькова.
И музыка его - в Эдем полет,
Она, как легкое дыхание от Бога.

Он ростом невысок, и стать его легка,
Он мальчик хилый среди мужей придворных.
Но как остер язык, а выдумок - река,
Он - царь-олень среди собачьей своры.

В камзоле красном, с буклями парик,
Он в чехарду затеял перепрыжку,
И смех запрыгал, как ребенок, и затих,
А на траве - нечитанная книжка.

Простим ему дурачества его,
Веселье в скорби, грусть во время смеха,
У Моцарта одно лишь божество,
И только он один ему помеха.

Злопамятство из Вены не избыть,
Оно плодится завистью и плетью,
Ведь гения нетрудно оскорбить
И сжить со света незаметной сплетней.

Но Моцарта Сальери не травил,
Легендою пленился Пушкин павший.
Сам Моцарт Моцарта, по-моему, убил.
Сгорел от музыки, его переполнявшей.

То звуки из небесных сфер и звезд,
Гармония, что музыкой зовется,
Мелодия, что изгоняет в душах злость,
Да так, что сердце сладостно забьется...

А на подушках разметалась голова,
Смерть пожирает каждое мгновенье...
Ах, Моцарт! Не спасут ни Бог, ни сатана.
Бессмертны музыка твоя и ею упоенье.

Ноябрь 1996 г.

Амадей не выращивал роз,
Амадей не писал для народа.
Он вбирал в себя рокоты гроз,
Сокровенные вздохи природы.

Шаловливые смехи детей
И признаний лирический норов,
Небо звездное в трассах путей
И ажурные шпили соборов.

Бег шаров, полуночный бильярд...
Пробуждаются утро и сказка,
Стук вальков, свежий запах белья,
Поцелуй из окна без опаски.

Звук шарманки, спокойный Дунай,
Что устал не от лодочных гонок,
Восходящее солнце и лай
Ошалевших от счастья болонок.

Кринолины воздушных кузин,
Словно облачко в фазе томленья...
Платья шорохи, взгляды мужчин -
Приоткрытая книга волненья.

Ах, амуры, плетенье словес,
На земле от Венеры сиянье.
В мире царствует вновь политес
Пылких жестов и страстных желаний.

Он еще для толпы не кумир.
Щупловатый маэстро из Вены,
Но родился бессмертный клавишник
Из мелодий расцветшей вербены.

Из каштанов и стайки берез.
Аромата душистых акаций.
Из восторженных утренних слез
И улыбок кокетливых граций.

Все бормочет мотивчик, поет.
Как на ветке свободная птица.
Сердце бьется, трепещет, зовет
И восходит в мученьях на плаху.

Амадей не выращивал роз.
Амадей не писал для народа...
Он загадка для нас и вопрос,
Он рывок в небеса и свободу.

Август 2000 г.

..

Бог трав, цветов и ароматов лета,
Языческий вещун и озорник,
С утра шалит. И юркий зайчик света
Прыг по траве... И день из тьмы возник.

А ветра набегающие волны
Колышут вновь короны облаков,
И солнца диск, лучами землю полня,
С улыбкой греет скверы городов.

И зазвучала музыка Россини
В сумбуре карнавала майских дней.
А небосклон такой просторный, синий.
И ощущение счастья все сильнее.

1 мая 1999 г.

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

*«Королева метелей на белом коне показалась
вдали...»*

Г. Х. Андерсен

Я бедный Кай, я без любимой Герды.
К окну прикован, глаз не отведу...
На свете нет сильнее чувства смерти.
Оно меня скрутило на беду.

Средь вьюги суматошной и сугробов.
Из мглы веков она явилась вдруг.
Глаза, что звезды, освещают тропы
В мир холода... он все объял вокруг.

Окутан я сияньем бледным залы.
В нем хрустали и янтари горят.
От поцелуя сердце снежным стало,
И не растопит лед в любви игра.

Но вот слышны таинственные звуки.
Я ухожу в страну, где снег и сны...
Но где, любимая, твоя порука
Из искренности, нежности, вины?

О Герда! Гибну я в тисках разлуки.
И холод лишь предчувствие конца...
Омой меня слезой... возьми за руки.
Веди туда, где бьются в лад сердца.

3.01.2002 г.

Кузнечик - изящный форейтор,
Зеленый камзол и плюмаж,
Он бега великий корректор,
Как мчится его экипаж!

Стрекозы запряжены цугом,
И чуден у неба разлив,
Летит экипаж по округе
В край трав луговых и олив.

Из пуха диван особливый,
Уютен для парочки кров:
Сиятельный жук горделивый,
У бабочки вензелем бровь.

Стреножила бег кавалькада,
Стрекоз отдыхают крыла,
И жук предвкушает отраду,
Кокетка тиха и мила.

Они влюблены на мгновенье,
Жук важно молчит и сопит,
Красотка, небес вдохновенье,
Крылами трепещет, дрожит.

«Богат мой избраннык рогами,
Он светится златом, горит,
И может деньгами, дарами
Всю душу мою покорить...»

Но быстро угасло сказанье,
И где мне фантазии взять?
А бабочка вся в ожиданье
Себя подороже продать.

Июль 1997 г.

ФРИДЕРИК ШОПЕН

В раскрытое окно прохладой веет,
И белый кипень яблонь радует глаза.
Вчера под ритм дождя и птичий щебет
Прошлась задорным маршем майская гроза.

Волнует душу ветер дальних странствий,
И западает в сердце музыка любви,
Мелодия, как отзвук первой страсти,
Рождается, растет и зреет изнутри.

Повсюду плющ, а в воздухе тревога...
И звезды гаснут в небе, сером и пустом,
Вдруг солнца луч, как весточка от Бога,
Надеждой одарил в Шафарне скромный дом.

В нем тишина... Рояль в углу гостиной,
Разбросан ворох нот на крашеном полу,
Возникший призрак в белом кринолине
Танцует полонез и убегает в мглу.

Приходит день, и слышится бельканто,
Поместье пробудилось, и шумит корчма...
Вельможный пан с усатым музыкантом
Творят мазурки такт при помощи смычка.

Многострадальной Родины стенанья,
Порыв к свободе, к счастью... Светлая мечта
В той музыке, не ищущей признанья...
Шопен, Шопен - в веках поющая звезда!

Июнь 1997 г.

ВЕНСКИЙ ВАЛЬС

«Когда народ танцует, он не опасен».

Меттерних

Роскошные дворцы, зеленые поляны
И море орхидей, тюльпанов, лилий, роз.
Ликут в парках царственных фонтаны,
Взмывая в воздух мириады брызг и рос.

Ожили статуи бессмертных олимпийцев,
Их мрамор сердце греет и бодрит,
И кажется, что из лугов крутых, альпийских
Сюда нагрянет Пан, веселый бог игры.

О Вена! Город мой на голубом Дунае,
Жемчужина, добытая со дна на свет,
Орфей и Эвридика суть твою узнали
И наградили даром танцевать и петь.

Он просыпается не поздно и не рано
Под звуки скрипок и протяжный нищих крик.
Чудесный шпиль прекрасного Стефана
Иглою вновь таранит неба лик.

Скользит напевно вальс, изящный и ажурный,
В нем венца радостная светится душа,
Она играет то в любовь, то в жмурки,
И на волнах веков проносится, кружась.

И вот танцует вся блистательная Вена,
Триумфы вальса - между Штраусами спор.
И в хрусталях - Клико божественная пена
Разбудит в сердце страсть, туманя женский взор.

Как в мире преходящи люди, годы, даты...
Минувшее, как сон, а будущего нет.
Но вечен гений вальса, музыки и лада,
Он льется из глубин, волшебник и поэт.

Ноябрь 1996 г.

Вы помните домик на Бейкер-стрит,
В котором жилал Шерлок Холмс?!
Он был аналитик, спортсмен, спирт.
Пловец среди вздыбленных волн.

Скрипач уживался с ученым в нем,
И если смычок отдыхал,
То мозг задавал напряженный тон
Всем мыслям его и делам.

Но в дыме густом, что кольцами плыл,
Вновь профиль парил в небесах,
И голос глухо звучал и просил
Нас взвесить все «против» и «за».

Пусть крут на расправу Нат Пинкертон,
Решителен наш Глеб Жеглов,
Всевидаш Мегрэ, не зная препон
В поимке пройдох и воров.

Годы пройдут... И не вспомнят про них.
А Холмс здесь и там... и вокруг.
О трубка - подруга для дум ночных.
О Ватсон, соратник и друг!

Август 2000 г.

ОГЮСТ РОДЕН

Визг жуткий стрел, разрывы бомб, петард пыхтенье.
Врагом преодолен последний наш редут.
Весь город осажден. Нет шансов на спасенье,
И граждане Кале в бессмертие идут.

Их в бронзе воскресил один лихой кудесник,
Ваятель, бабник и атлет Огюст Роден,
И слов не выкинешь из воспарившей песни,
Какой сегодня год, каков вчерашний день...

Кидался с яростью на белоснежный мрамор,
Как бык божественный на женщину-судьбу,
И это все уже не из античной драмы,
В напряге вздулись жилы на упрямом лбу.

Он ублажал покорных, вздорных, очень разных,
Но женщина - полон, медуза, бездна, скат.
И он тогда, в грехе пылающий и властный,
В безмолвной глыбе красоту свою искал.

Круговорот страстей и тел навек сплетенных -
Все это сотворил в сердцах Огюст Роден,
И из своих инстинктов, кстати, темных,
Он мрамор в музыку и снег любви одел.

Талант - тоска по красоте. мечты беспечность,
Он дан избранныкам по милости Творца.
О нега и Весна, о поцелуй и Вечность,
Нашли вы в мастере поэта и певца!

Июль 1996 г.

Накатывал вечер сиреневый, мглистый,
В нем царствовал тайный, пленительный грех,
Задорно, зазывно, октавою чистой
Звучал парижанок чарующий смех.

Бренчали вальяжно гитар переборы,
Каштан за каштаном разбрасывал лист,
И парочки таяли в тьме, точно воры,
И был королем настроенья каприз.

Каприз - то прыжок в мир легенды и сказки,
Который воспет Антуаном Ватто.
Галантные дамы... Галантные ласки,
Галантные встречи в каретах, в манто.

О Век рококо, прихотливый, изящный!
Манон и Гриё, гильотина, де Сад...
Век страстный, безумный, великий и страшный,
Век райский, век - эрос, век - разум, век - ад!

А в будущем явят мордашки гризетки,
И Эйфеля башня лишь абрис в мечтах,
На куртах в прыжках зарезвятся нимфетки
С ракеткой-судьбой в загорелых руках.

Неведомо им, что печалью так часто
Насытят их душу, затопчут года,
Тела для любви, для утех и для счастья.
И кровью история станет сыта.

Все это покажет нам Фата Моргана,
Парижская сводня, колдунья, беда.
Поманит, притянет и петлей аркана
Вовсю околдует, но бросит всегда.

24-25 июля 1996 г.

Образ проступает из тумана,
Из багетов, грубого холста,
Это он - художник Модильяни,
Что судьбой над временем восстал.

Он - волшебник линии и красок,
Он - влюбленный в женщину творец,
Модильяни, скажем без подсказок,
В жанре ню мастак и молодец.

Он, такой обросший бедолага,
Лик античной музыки начертал
И игриво на листке бумаги
Аннушкой Ахматовой назвал.

Монпарнас... Как барабанит дождик!
Ночь сиренью дышит, жуть и мрак,
И плетется сгорбленный художник
В нищету, с которой друг и враг.

На столе стоит бутылка кьянти,
И осталось жить какой-то миг:
«Я, друзья, от безнадеги пьяный,
Я от унижений многих сник.

Вы мои картины не судите,
Я умру без воплей и без слез,
И потомкам только не соворите,
Что я жил без музыки и грез.

Был я. Амадео Модильяни,
В живописи бог, наследный принц,
И своею ласковою дланью
Написал я столько женских лиц.

В их глазах, где нет зрачков и брода,
Музыка таинственно плывет.
А какие шеи повороты!
А какой бедра крутой полет!

Мне уже совсем, конечно, плохо...
Извините, что так мало жил,
Но зато во имя духа, плоти
Много пил и дерзостно любил...»

Тает и уходит в ночь дыханье,
Смерть не остановишь, оголец!
И рука упала вдруг с дивана,
Обозначив гения конец.

Июнь 1996 г.

Повилика, повилика,
Как красива, яснолика!
За стеной играют тихо
В две руки сонату Грига.

А природа - чуда книга,
В ней свежо, легко и дико,
Солнечного эха блики
На беседке пляшут лихо.

Так любовь, сорвав вериги,
Под восторженные крики
Правит курс под флагом брига
Алым парусом с гвоздикой.

На скамье одна в тунике
Ждет, тоскуя, Эвридика.
На груди у белоликой
Брошь из камня - сердолика.

А в глазах грехом-расстригой
Озорная голубика,
На губах у солнцеликой
Жарким пламенем клубника.

Повилика, повилика,
Ты прекрасна, многолика.
Поясом любви свяжи-ка,
Повилика, повилика!

1998 г.

«Черный квадрат» из вечности
Нынче вдруг стал знаменит.
В темной бездне из млечности
Тянется гибели нить.

«Черный квадрат» Малевича,
Смерти и ночи квадрат...
Жаль красоту мне девичью,
Речку под утро и сад...

Ужас такой безбрежности
Трудно душе превозмочь.
В мире так мало нежности,
Землю окутала ночь.

Ведьмой летает виевой
Супрематический гроб
От Сиднея до Киева,
От Альп до таежных троп.

Трасса до бесконечности...
Вряд ли ее одолеть?
Лучше в ритме беспечности
Сердцем веселым запеть.

Облако - шкурка беличья,
Глазами его ловлю...
«Черный квадрат» Малевича,
Я все же тебя люблю!

Июль 2000 г.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

*«Если живопись тебя не любит, вся твоя
любовь к ней ничего не даст».*

Сальвадор Дали

Под водною гладью залива
Собака пятнистая спит,
И мальчику в кудрях на диво
Девчонкою хочется быть.

В горящих копытах жирафа
Зеленого мира распад,
И пламя то слева, то справа
Ласкает девичий наряд.

Костлявые пальцы сжимают
Созревшие гроздья грудей.
Мадрид и Герника пылают,
И целится в Лорку злодей.

Бесчинства и мерзкие бойни,
Замолкнувший говор гитар...
В нас снова гражданские войны,
Жестокий, бессмысленный дар.

А Леда двадцатого века
С коротким прозванием Гала.
То муза любви и успеха,
То просто жена... и скала.

Из судорог, слез, вдохновенья
Он жажду свою утолил,
Могучий творец сновидений.
Художник безумья Дали!

Июнь 1999 г.

Чарли Чаплину

Застенчива улыбка и смешна походка,
Ты часто шарж на самого себя,
И выглядишь порой нелепо, кротно,
Мой Чарли, как поет душа твоя!

Без страха ловко гуттаперчивое тело,
А воз насмешек и огромен, и тяжел.
Хоть ростом мал, но атакуешь смело
Всех тех, кто кривдой на земле моей взошел.

Кудрявой девушке, прекрасной, но незрячей,
Ты преподнес букет из свежих райских роз,
Мелодия взхлеб от счастья просто плачет
В сердцах двоих, когда-то бывших врозь.

И все становится понятным, близким, зрячим.
Так возникают в мире «я и ты»
В судьбе, в слезах соленых и горячих
Единые, как на руке Творца персты.

Любовь, любовь! Пленительная штука...
Неуловим, таинствен, вечен облик твой.
Приходишь, как всегда, нежданно и без стука,
Врасплох, как Чарли, забирая в плен с собой.

Сентябрь 1997 г.

Фернану Леже

Зеленая магма из ночи -
Пролеска на черной меже.
Какую загадку нам прочит
Художник с предместья Леже?

Закатан рукав до предела,
И фартук заляпан к добру.
Могучей рукой винодела
Он месит из красок зарю.

Творит он наивно и ярко
В заботах, великих трудах...
Над мастером радуги арка,
Как нимб, что сияет в веках.

Июнь 2000 г.

Венецианские каналы,
Гондол стремительный заплыв,
Как отзвук яркий канонады,
Мелодии святой порыв.

Здесь жизнь, восход и краски моря
Слились в симфонию любви.
Умри, тоскливый запах горя,
И больше счастье не губи!

Так растворятся в волнах званых
Печали, радости, беда...
Спокойствие наступит рано.
И ко всему умрет вражда.

26.04.2002 г.

«О времена, о нравы!»

Утонченная пастораль
Из времен Феокрита и Лонга.
На уступе одной из скал
Примостился пастух ненадолго.

В бурдюке играет нектар,
Сыра козьего ломоть из дома,
И свирель, Аполлона дар,
От которой такая истома.

Он запел с душой, заиграл
Про пастушку, кудрявую Хлою,
Ту, которой грудь целовал...
И еще про погибшую Трою.

Пробегают за веком век...
Пастухи снова стали в фаворе.
И явился к нам человек,
Он изящен на севрском фарфоре.

Блуза шелковая, парик,
Как галантен, напудрен... и с мушкой,
Не мальчишка и не старик,
А она - вся соблазн, и простушка.

Их любви неподделен жар,
А солома душиста, уютна...
Не на шутку пылает пожар,
Не на час, не на день, не на сутки...

А сейчас он классный шофер,
Пьет рассол и крутую сивуху,
Она тащит его на двор,
Вся в мученьях. Он снова под мухой.

Ноябрь 1998 г.

Зеро, рулетка, карт колода,
А впереди густой туман...
И человек живет в невзгодах,
Когда кругом один обман.

Ослабли силы, гложут хвори,
Маячит вороном судьба,
Ушла любовь, потухли зори,
Мечты исчезли в никуда.

Глаза мутны, опали плечи,
Пришла согбенность - жизни труд...
Мы обращаем к Богу речи
И просим праведного суд.

Иссохший ствол бедняги клена
Все тянет к небу голый сук,
И нет на нем листвы зеленой.
Что радует людей вокруг.

А может, мы Творца загадка?
Ее не каждому раскрыть...
Но я живу надеждой шаткой
Глоток любви до дна испить.

Июнь 2001 г.

КОРРИДА

Я - бык разъяренный, меня окружили...
Мне в шею и спину разящие жала
Воткнули, всадили, ввинтили, вонзили...
Толпа, возбужденная кровью, привстала.

Я был обречен гулом, криками черни.
Загнали меня, добивали, дразнили...
Глаза мне застлали кровавые тени.
Я стал полутрупом, останками, гнилью.

И вот пред толпою нарядный тореро.
Он весь из тщеславия, спеси и блеска.
Меня убивать - его дело и вера,
Ему рукоплещут. Он гордый и дерзкий.

Но я притворюсь отупевшим от боли,
Но я упаду перед ним на колени,
Чтоб внятным последним усилием воли
Воздеть на рога, окровавив арену.

Взирать на него, как, хрипя, умирает,
Не слишком приятная, может быть, штука.
Но он - воплощение толпы, что не знает
Пощады для нас, обреченных на муку.

На этой кровавой бессмысленной тризне
Нет правых, неправых. Здесь все проиграли.
И встану я с ревом и укоризной
Для тех, кто устроил смертельное ралли.

А жизнь на потребу толпе лишь коррида.
В ней крови и пошлости больше, чем надо.
И мир воплотился в слезах и обидах.
Одна красота - песнь моя и отрада.

Как волны морские смиряли свой ропот
В те древние, слишком далекие годы,
Когда в океане с прекрасной Европой
Я плыл весь из страсти, любви и свободы.

Сегодня я просто разверстая рана,
Я все позабыл: про луга и про радость.
Я - кость для облезлого черного врана,
Я - боль, я слеза, я возмездье, я ярость!

Июнь 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СНЫ О РОССИИ.....	3
ТАИНСТВА ЛЮБВИ.....	67
ЕВРОПЕЙСКАЯ МОЗАИКА.....	127